

The background of the cover is a detailed illustration of a war-torn city street. In the foreground, a man in a military uniform is shown from the chest up, holding a submachine gun. He is looking off to the side with a serious expression. Behind him, the street is filled with smoke and fire. A tank is visible in the middle ground, and several figures in dark, hooded robes are running towards the viewer. The overall atmosphere is one of intense action and conflict.

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ. Том 2

Василий Звягинцев
Скорпион в янтаре.
Том 2. Криптократы
Серия «Одиссей покидает
Итаку», книга 14

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158884
Скорпион в янтаре. Том 2: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-23634-3*

Аннотация

Александр Шульгин – мыслитель и авантюрист, солдат Истины и стратег Игры – еще одно доказательство того, что и один в поле воин. Его нынешнее путешествие по химерическим реальностям – на грани фола, в отрыве от друзей, – позволяет не только зачислить еще несколько очков на счет людей в их противостоянии с Держателями и Игроками, но и раскрыть нового противника, до поры до времени копившего силы и не спешившего себя обнаружить. Под личиной наркома оборонной промышленности Григория Шестакова Александр затевает игру на поле предвоенного Советского Союза с самим Сталиным. Не зная точных ответов, Шульгин чувствует, что изменить историю в этой конкретной точке – совершенно необходимо...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	42
Глава третья	78
Глава четвертая	91
Глава пятая	104
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Василий Звягинцев

Скорпион в янтаре.

Том 2. Криптократы

*Я за то и люблю затеи
Грозových военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.*
Н. Гумилев

Глава первая

С момента прощания Суздалева с Новиковым по здешнему времени прошло чуть больше полугода, одновременно для Андрея и его команды – полтора. Что же касается Шульгина, все его перемещения из личности в личность, вдоль и поперек реальностей, по Сети и хронопетлям учету вообще не поддаются. Он сейчас представлял собой химеру ничуть не менее странную, чем реальность, в которую его занесло.

В каком-то смысле можно сказать, что ему удалось добраться до пресловутой «точки Алеф», из которой открывается выход в любую мыслимую реальность. Как если бы он стоял сейчас на географическом полюсе Земли, Северном или Южном – неважно. У ног – веер меридианов, триста

шестьдесят, если по градусу считать. А если по минутам и секундам? Иди по любому, и придешь в Москву, Магадан, Вашингтон или Рио-де-Жанейро – точки, разделенные десятками тысяч километров. А на полюсе достаточно было шага или двух, чтобы выбрать путь, ведущий на противоположную сторону планеты.

Пешком – долго, конечно, но любое направление тебе открыто, и любое совершенно равноценно, если все равно, куда идти... Крути головой и выбирай. А если не пешком? На реактивном перехватчике – полсуток до противоположного полюса, а ежели использовать СПВ – вообще практически мгновенно.

Причем, что самое важное, не нужно пересекать барьеры между реальностями (те же меридианы), которые нередко оказываются непреодолимыми.

Такая вот аналогия. Если ее немного продолжить, то можно сказать, что нарисованные на глобусе и пронумерованные линии соответствуют реальностям более-менее фиксированным (вроде Гринвичского, Пулковского или Парижского меридианов), а те, что между ними подразумеваются, столь же равноценны теоретически, но еще не воплощены или просто не нужны для неких, нам непонятных целей.

Шульгин, бестолково и не слишком задумываясь, и делал свои шажки, да еще (для усиления образа) иногда поскальзываясь на льду, которым, как известно, оба полюса покрыты, а в отсутствие компаса и невозможности ориентировать-

ся по солнцу – не понимая, где какая сторона света.

Но вот, кажется, становится понятным, куда он пришел...

С господином Суздалевым ему встречаться лично не довелось, однако Новиков не только доложил устно, но подробнейшим образом, как положено в отчете разведчика о проделанной работе, изложил на бумаге и факты, и гипотезы, и рекомендации для начальников и коллег. Так что в дело можно было вступать «с колес».

Поздоровавшись за руку со всеми присутствующими, причем на лице игумена обозначилась степень почтения, сравнимая с той, что вызывало у соратников рукопожатие Сталина, Георгий Михайлович сел за общий стол.

– Вот и встретились, Александр Иванович, – сказал генерал с искренним радушием. – Мои сотрудники и Андрей Дмитриевич много о вас говорили в самой лестной форме. Я тогда же хотел вам предложить поучаствовать в некоторых наших делах, но не сложилось, к сожалению. Да и сам господин «Ньюмен» что-то давно о себе вестей не подавал. Уж не обиделся ли за что?

– Ни в коем случае, ваше превосходительство, просто дела не самые приятные отвлекли. Мы совсем было собирались окончательно в ваши палестины переселиться, да вдруг сложности начались... Зато вот господин Ростокин, как только освободился, – немедленно сюда. Чтобы вы в нашей порядочности не усомнились...

Тональность Сашкиных слов была самая уважительная,

однако опытный психолог Суздалев сразу уловил легкий налет иронии. Необидной, правда. Так, в своем амплуа человек.

– А чего же вы меня «превосходительством» называете, мы с вами в одних, кажется, чинах?

– Да привычка просто. Отчего человеку приятное не сделать?

– Покорнейше благодарю, но впредь давайте без чинов. Много времени отнимает...

И тут Ростоккина словно осенило. Невероятная вещь, но это ведь отец Григорий, собственной персоной. Ни за что бы он его не узнал, если бы не голос, а потом и характерный взгляд. Окружающая обстановка тоже помогла: келья, запах лампады и ладана, отблески окладов икон. Но как же так? Тому ведь было около семидесяти, а этому едва ли шестьдесят. Где седеющая бородка, волосы, собранные на затылке в косицу?.. Однако сомнений больше не было. Он – и никто другой. Маскировался, значит, грим носил, старичком прикидывался? Нет, как-то не сходится, все же долго они были знакомы, лет десять... И последняя их встреча в келье, и подаренный пистолет...

Разве что так – до какого-то времени отец Григорий играл одну роль, для Игоря и подобных ему предназначенную, а потом сменил амплуа и манеры, прошел курс омоложения и так далее...

Ну ладно, раз старый знакомый не захотел его узнать прилюдно, значит, так, наверное, надо. И я не буду навязываться.

Суздалев, обменявшись с Шульгиным любезностями, перешел к делу.

Сообщил, что все здесь ныне происходящее самым прискорбным образом подтверждает сделанные ранее выводы о крайней неустойчивости структуры мироздания («о чем мы с господином Новиковым подробно говорили») и что в мире все время случаются незаметные для обывателей, но знающему человеку много говорящие события.

– Когда есть некая базовая теория, в создании которой нам весьма помог ваш товарищ и его супруга, практическая работа значительно облегчается. А теперь с вашим появлением мы надеемся, что худшего удастся избежать...

Слышать такое было лестно, однако Шульгин пока не совсем понимал, в чем будет заключаться его роль.

На ходу ремонтировать теряющий управление и летящий в пропасть автомобиль – не самая легкая задача даже для него.

– Рассказывайте, Георгий Михайлович, что опять у вас случилось. Честно говоря, нам тоже очень бы не хотелось видеть столь приятный и гармоничный мир проваливающимся в пучину хаоса. Вы ведь это имели в виду?

– Да, да, именно это. Если вы не против, я бы предложил переместиться в Москву и там поговорить предметно. Мне

здесь, знаете, не слишком уютно...

Вот даже как!

Тут вмешался Ростокин:

– А с тем, что за дверью происходит, что будем делать, Георгий Михайлович?

– По мне – так ничего, Игорь Викторович, – любезно ответил генерал. – Я не очень люблю псевдоисторическую фантастику. Если там происходит нечто интересное, так, наверное, будет происходить и дальше. Или само собой прекратится, по естественным причинам. Независимо от моего участия. Я же, по должности, отвечаю лишь за то, на что могу влиять. Вы согласны, Александр Иванович?

– Полностью. А на чем мы поедem в Москву? На автомобиле? Прорваться, пожалуй, можно, мы люди военные, но все равно – когда стреляют по стеклам и колесам, это не слишком комфортно.

– В нашем достаточно цивилизованном мире есть и такая машина, как дископлан. Летит бесшумно, садится и взлетает вертикально, окружающей среде вреда не наносит. Мой персональный стоит сейчас во внутреннем дворе. Места хватит всем. Поехали?

– Чего ж не поехать, – кивнул Шульгин. – А где проходит граница между здешним цирком и нормальной жизнью, вы уже нанесли на карту? Когда сюда летели, монгольские монгольфьеры противодействия не оказывали?

– Нет, спокойно добрался. А все это безобразие локали-

зовано исключительно между Осташковым и Селижарово... Вокруг тихо. А главная тонкость заключается...

– А Ржев? Там же главное сражение было, – перебил его Игорь.

– Это вам княжна сообщила? – улыбнулся Суздалев, как показалось Шульгину, довольный тем, что ему не позволили закончить фразу. – Воистину непререкаемый источник. Что ж, можно и ее с собой взять, порасспросить в спокойной обстановке...

Неизвестно, что послужило пусковым сигналом, эти слова или что-то другое. Ростокин сначала впал в полное смятение. Его буквальным образом раздирали противонаправленные силы, душевные и не только. Вновь оставить Елену представлялось ему совершенно невозможным: долг князя-воеводы требовал исполнения обязанностей. Власть придуманного мира казалась непреодолимой. А предложение забрать ее с собой... Порасспросить?! Сейчас и Шульгин, и Суздалев представились ему врагами, явившимися, чтобы увлечь его и невесту... Куда? В бездны преисподней или застенки чужих спецслужб?

Сделано было – не подкопаешься. Вообразите, вы уединились в специально подготовленной квартире с девушкой, которую давно добивались, она уступила, все пошло великолепно, и вдруг – телефонный звонок, призывающий на скучную и надоевшую работу. Отказаться вообще-то можно. Ну, потеряешь квартальную премию или даже саму работу. Ну

и что? Люди из-за любви вообще жизнь под откос пускали, чтоб только сегодня вышло так, как мечталось.

Здесь же вместо телефонного звонка просто вваливаются в прихожую грубые люди и заявляют напрямую – пошли и забудь. На сборы времени – пока спичка горит.

Не приходилось Игорю раньше подвергаться психологическому давлению такого уровня. С физическим он умел справляться, да и прошлый раз ему удалось сохранить адекватность, всего лишь ударив Артура, ни в чем не повинного, по зубам. На этот раз на него, как на слабое звено, нажали посильнее.

Точнее сказать, только на него и нажали. Суздалев, очевидно, находился вообще вне «зоны поражения», а Шульгин, как и задумал, мастерски прикрывался тенью соратника. Есть в бою такой не очень благородный, но эффективный прием. Если очень нужно живым дойти до намеченного рубежа под уничтожающим огнем, знающий боец начинает маневрировать на поле боя, стремительно просчитывая направления вражеских директрисс и углов поражения, так, чтобы всегда его заслоняли тела товарищей.

Бежит, залегает, снова вскакивает, постоянно имея между собой и неприятелем одного, двух, лучше несколько человек, за которыми тебя не видно и которые примут летящую в тебя пулю.

Японский «сад камней». Откуда ни посмотришь, один из четырнадцати всегда невидим. Шульгину с его привычками

и манерами ниндзя такая тактика была близка.

В данный момент пули не летали, но весь вражеский *интерес* сосредотачивался на Ростокине. Слишком сильно и ярко он *излучал*.

А собственная личность Игоря сейчас почти свернулась, закуклилась, умело отодвинутая за пределы партии. Причем сделано это было еще там, в комнате Елены, и в защищенную келью игумена он принес с собой уже всаженный в него вирус покорности, сейчас отдавший приказ на агрессию.

Суздаlev не успел этого осознать, а Шульгин и, что интересно, отец Флор поняли сразу. Монах заступил журналисту путь к двери, а Сашка, хоть и был ниже ростом и килограммов на тридцать легче, резким толчком в плечо развернул Ростокина почти на сто восемьдесят градусов, заломил ему руки к лопаткам.

– Генерал, полотенце!

Здесь бывший полковник не подкачал. Секунда-другая – и длинным льняным полотенцем они вдвоем стянули запястья Игоря не хуже, чем стальными наручниками.

Игумен бормотал странно звучащие слова, скорее из чина экзорцизма, чем обычные молитвы, сделал массивным, как кистень, наперсным крестом несколько пассов вокруг Ростокина, поперек окон и дверей.

– Силен враг рода человеческого! – выдохнул он, вытирая скуфьей вспотевший лоб, сел на табурет, потянул к себе не до конца опустошенную флягу. Шульгин и Суздаlev не воз-

разили.

Игорь сидел на полу, и взгляд его не выражал почти ничего. Примерно в таком состоянии оказался в свое время Шульгин, попав под ментальный удар в «коммунальной кухне» Замка, хорошо, Новиков среагировал безупречно.

– Так, отче, – проглотив сто грамм настойки, начал распорядиться Шульгин. – Двоих монахов покрепче – сюда! Игоря Викторовича в самолет, тьфу, дископлан. Я сам буду отход прикрывать. Вы, генерал, идете впереди меня. По пути твердите все известные вам заклинания. На русском, арабском, иврите, арамейском...

– Зачем? – не выдержал Суздалев.

Разучился товарищ в своих чинах беспрекословно исполнять указания более информированных товарищей.

– Для шумового фона! – рявкнул Сашка. – Вперед!

Когда дюжие парни в рясах подхватили Росточкина, Суздалев, достав из кармана не очень солидный пистолет, двинулся следом. Шульгин коснулся руки игумена:

– Вы же, отче, коридор, ведущий в келью «княжны Елены», перекройте чем-то серьезным, не мне вас учить, и перенастройтесь на нынешнее время. Сумеете?

– Поборемся, брат, поборемся, – достаточно спокойно ответил Флор. – Вы же своим делом занимаетесь. Силен князь тьмы Вельзевул, да не преодолеть ему господней силы! – и не совсем совместимо со своим саном погрозил в пространство крепким кулаком. Волосатые пальцы были унижены перстня-

ми, кто его знает, может, и чудотворными.

Пассажирский отсек дископлана был достаточно комфортабелен. Не салон бизнес-класса, но и не дребезжащая коробка отечественного военного вертолета. Главное – там было тихо. Как в приличном автомобиле.

Ростокину Шульгин приказал впасть до приземления в очищающий подсознание сон, после чего обратился к текущему моменту.

Суздалев морщился, потирая собранную тридцать лет назад из мелких фрагментов ногу. Обычно она его почти не беспокоила, а тут вдруг заныли старые раны...

Был бы у Шульгина с собой гомеостат, вылечил бы коллегу за час, а так просто положил ладонь ему на колено и послал успокаивающий боль импульс.

– Спасибо, Александр Иванович, вы, похоже, хороший врач.

– Увы, в основном приходится заниматься менее гуманными делами. Даже и врачам. Вот, например, близкого друга обидел...

– Вы же не его лично, как я понимаю. А что все-таки произошло, поясните, пожалуйста. Реактивный психоз?

– Да откуда? Он парень психически абсолютно здоровый, проверено. Тут дело похитрее...

В сжатых выражениях Шульгин объяснил Суздалеву ситуацию, разумеется, в пределах, поддающихся популяризации,

и не выходя за границы, которые считал на данный исторический период достаточными для своего нового партнера.

За недолгое время сотрудничества Новикова с Георгием Михайловичем Андрей довел до его сведения лишь одну истину. То, что «мир Полдня» в здешнем варианте является всего лишь отражением, в платоновском смысле, Главной исторической последовательности, на которой размещается мир «настоящий». И даже снабдил кое-какой литературой из библиотеки «Призрака». Версия для генерала-монаха оказалась сколочена достаточно крепко, в пределах его знаний и представлений непротиворечиво. Труда эта работа для Новикова в соавторстве с Ириной не составила. Если уж человек почти научился создавать жизнеспособные мыслеформы регионального, моментами даже планетарного масштаба, то умозрительная конструкция, ориентированная на одного конкретного слушателя, – семечки.

Суздаев поверил в нее безоговорочно (или умело сделал вид, что поверил). Теперь предстояло слегка расширить его горизонт.

Сашке внезапно пришло в голову, что его внешне бессмысленные приключения последних дней в свете текущих событий приобретают некоторую логическую связность.

То, что решение «задержаться» в теле Шестакова было принято им самостоятельно, без влияния Антона, Сильвии или Дайяны, он считал не подлежащим сомнению. Но так ли

это на самом деле?

Нет, в гипноз или иное силовое воздействие со стороны Игроков он по-прежнему не верил. Весь предыдущий опыт, тщательный, многократно дублированный анализ событий, начиная с первых страниц *эпопеи*, свидетельствовал, что ими используются только «непрямые действия». Фигуры противника на доске трогать не принято, и никто не вынуждает под пистолетом раскрывать карты, когда у тебя флеш-рояль.

А вот рассчитать, зная стиль и манеру игры противника, как он может поступить в тщательно подготовленной позиции, и именно там подстроить ловушку – вполне. Испокон веку так и поступают хоть шулера высокого класса, хоть гениальные полководцы.

Наживка (вернее – наживки, числом до десятка) была заброшена с большим искусством. Не на одну рыбка клюнет, так на другую. С тем же самым результатом. Неважно, чем именно наживлен крючок, распаренным горохом, живым червяком, искусственной мухой...

Трудно сказать, как бы развивались события, вздумай Шульгин наплевать на судьбу наркома с его проблемами, забыть о Лихареве и записке Сильвии, о словах «черного игрока», переданных через Дайяну...

Решил бы, как они «твердо» договорились с Новиковым, сосредоточиться на мире Ростокина и новозеландской базе, ни во что больше в иных реальностях не вмешиваясь. И все пришло бы в ту же точку, где он так или иначе оказался. Дру-

гим маршрутом, «срезая углы», не отвлекаясь на встречающиеся по пути артефакты вроде поста зампреда Совнаркома и испанскую войну.

Да, сел нахальный малолетка с битыми зэками в очко играть!

И Ростокина заманили сюда же.

Только их двоих, никто больше из членов «Братства» здесь пока не потребовался.

Впрочем, можно ведь и иначе взглянуть. С совершенно противоположной точки зрения. Игроки тут совершенно ни при чем, наоборот, именно они сейчас в проигрыше. Нет, о проигрыше говорить не будем, просто удалось отыграть несколько темпов.

Там, в двадцать четвертом, мы забрели в позиционный тупик, как европейские армии на Западном фронте к шестнадцатому году. И вот нате вам – в Галиции Брусиловский прорыв, на турецком – взятие Эрзерума Юденичем и десант в Трапезунд!

Вот и Шульгин самостоятельно, своим удвоенным (сейчас, пожалуй, и утроенным) разумом сформировал совершенно новую гиперреальность. В каковой и развернется очередной акт трагифарса.

Он самостоятельно или с чьей-то помощью использовал недостаточно освоенную еще методику параллельного мышления. Одновременно вступил в игру с Суздалевым, пока

не зная, союзником он станет или противником. Совершенно по-иному перекомпоновывал сложившуюся «на других фронтах» конфигурацию. Не до конца понимая, что именно делает – создает аннотированный комментарий к партиям сыгранного матча или выстраивает мыслеформу, гарантирующую преобразование химеры в полноценную реальность?

Шульгин сообщил генералу (все-таки монахом его называть не хотелось, не стыковались образы), что подлинная картина мира на самом деле несколько сложнее, чем дихотомия: реальность-химера. Развилка развилкой, но не одна она была в минувшие полтора века. И там, где они смогли реализоваться, образовывались и продолжают образовываться реальности поустойчивее существующей здесь.

Познакомил с концепцией мировой Сети как над- и внегалактического, всепространственного и вневременного артефакта, упрощенно сведя ее к образу пресловутого компьютера, только нематериального.

– Понимаете, Георгий Михайлович, на самом деле все достаточно просто. Компьютер, железный, как этот, – он постукал по крышке бортового устройства, – или органический, – коснулся своего лба, – в процессе функционирования производит продукт нематериальный. Мысль, если хотите. Дурацкую или гениальную – несущественно. Сеть же действует строго наоборот. Сама являясь не более чем мыслью или же идеей, создает звезды, межзвездное вещество, энергию

и всякие поля, планеты, обитаемые и не очень. На обитаемых рано или поздно зарождается разум, начинающий, в свою очередь, творить как железки, так и ту же пресловутую мысль. Тут петля замыкается, змея кусает собственный хвост...

– И чем же эта переусложненная, на мой взгляд, концепция отличается от идеи Бога как такового?

– Да как вам сказать. Бога, мне кажется, можно рассматривать лишь как вторую производную. Исходя, разумеется, из той информации, которая содержится в религиозной литературе. В человеческой мифологии и фольклоре слишком много богов, подчас – взаимоисключающих. Есть также религии, обходящиеся вообще без идеи бога. Я – субъект довольно широких взглядов, готов признать, что в каких-то узлах Сети могут существовать некие образования, выглядящие и ведущие себя аналогично человеческим представлениям о том, кого вы подразумеваете. Надеюсь, мои слова не покажутся вам кощунством.

– Нет, нет, продолжайте. Широта *моих* взглядов, я надеюсь, достаточна, чтобы обсуждать любые темы.

– Главным моментом, который позволяет мне так говорить, является то, что Гиперсеть, чем бы она ни была, доступна для проникновения и вмешательства в ее деятельность на столь же рациональных принципах, как и в любой компьютер. По крайней мере, в пределах, охватываемых нашим воображением. Мое здесь присутствие и те феномены,

что вы имели возможность наблюдать, – наилучшее тому подтверждение. Уверен, что воздействовать на «настоящего бога» смертному вряд ли удалось бы.

– Вы меня не убедили, – вздохнул Суздалев. – Давайте пойдем дальше, если желаете. Ваша «Сеть» – мысль, вы сказали. Следующий вопрос – чья? Если есть продукт, есть и его производитель. Или же источник...

За годы службы в своей должности генерал наверняка натренировался в богословских диспутах, хотя бы для того, чтобы «возвести в закон волю господствующего класса», в его случае – обеспечить душевный комфорт тем, кто вынужден был принимать все те же «предложенные обстоятельства» не под давлением силы или угрозы ее применения, а в полном согласии с проповедуемыми принципами.

– Георгий Михайлович, – расплылся в улыбке Шульгин. – Давайте согласимся, что правы вы, а не я. Тогда проблема, нисколько не решаясь, поднимается еще на одну ступеньку вверх. Хорошо, есть тот, эманацией чьей мысли является Сеть. Один из моих знакомых назвал его «Великим Спящим». Он где-то спит, а наш и окрестные миры – его сновидения, внутри которых субъекты обладают определенной свободой воли, заданной внутри тех же сновидений. То же очень складная теория. У вас, простите, какое образование? – неожиданно спросил он, заодно извлекая из внутреннего кармана серебряную фляжку, наполненную, прошу заметить, из посуды на КП князя Игоря в придуманном XIII

веке.

– Высшее военное, потом несколько спецкурсов, тратить время на полноценные университеты возможности не было.

– Ну, тогда глотните, – протянул он обтянутый кожей сосуд. Прием, отработанный профессором Удолиным. Сюда бы его пригласить, в качестве научного резерва.

Суздаев приложился к горлышку. Старый солдат все-таки, отказываться статус не велит.

– И как? – заинтересованно, с лицом естествоиспытателя Паганеля, спросил Шульгин.

– Да ничего. Умело сделано. Чего я только не перепробовал в своей жизни, противнее бражки из маниоки ничего не знаю. А это годится. Типа дешевого ирландского виски.

– Вот и доказательство. Причем – чего угодно сразу. Если этот напиток показался вам естественным по вкусу и убойной силе, а извлечен он из реальности не второго даже, а третьего порядка, значит – либо реальность полноценная, либо мы с вами, люди иных миров, заметьте, вымышлены столь же талантливо, что друг для друга выглядим живыми и вдобавок обладающими одинаковым метаболизмом...

Суздаев задумался всерьез. А что ж, с таким софистом, как Сашка, на равных умел общаться только Новиков.

– А если... – неуверенно произнес генерал.

– Если – то мы вернулись на круги своя, и о чем-то рассуждать вполне бессмысленно. Хотите *острый* эксперимент? Я вообразил *ваш* мир, Игорь, – *тот*, вы воспринимаете окру-

жающее как-то по-своему. Сейчас один из нас отключит автопилот, направит сей дископлан в отвесное пикирование. Кто-нибудь должен выжить? А кто? Ваше мнение?

Суздалев рассмеялся раскованно, будто действительно услышал неубиваемый довод.

– Нет, Александр Иванович, с вами можно иметь дело. Мне ребята говорили, что вы изумительный мужик. Лично убедился, признаю: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить. Сильнее он не мог бы возразить...»

– «...Хвалили все ответ замысловатый», – завершил строфу Шульгин.

Дископлан начал заходить на посадку где-то среди заснеженного леса. Шульгин думал, что генерал пригласил его в свою московскую резиденцию на углу Трубной, но, видимо, сейчас требовалось более уединенное место.

Он разбудил Ростокина. Тот проснулся в полном порядке.

– Что-то очень нехорошее произошло, Александр Иванович? – спросил он.

– В пределах. Очередной раз проскочили. Придержать там тебя захотели, Елена или кто другой, но, как в одном фильме говорилось: «Боцмана без хрена не съешь!» Пришлось тебя немного нейтрализовать, уж очень ты не хотел прощаться «с серебристой, самую заветною мечтой». Но ты не переживай, чего-чего, а в те декорации мы вернуться за- всегда сумеем.

– А сейчас что делать будем?

– Как обычно – врубаться в обстановку. Она для тебя, кстати, родная. Связи имеешь, помимо хозяина сего убежища, и очень неслабые, как мне известно. Капиталец кой-какой, а это немаловажно. Одолжишь некоторую сумму, если что. Для чего-то же нам с тобой потребовалось здесь встретиться? Но обсудим это завтра. Хозяина я попрошу, чтобы обеспечил тебе возможность выспаться по-человечески. Горячая ванна, душ, парная – на твое усмотрение. Отдельная комната и охрана у двери.

– Александр Иванович, о чем вы, я уже в полном порядке...

– Заткнитесь, поручик, – ласково сказал Шульгин. – Делать будешь только то, что я скажу. А о тонкостях наших взаимоотношений поговорим как-нибудь в другой раз. Это тебе Великий Магистр говорит!

Ростокин кивнул, более не вдаваясь в рассуждения, и покорно направился в отведенное помещение.

На скольких загородных дачах, базах, виллах, лесных избушках привелось побывать Сашке только за этот виток судьбы! Наверное, в компенсацию за предыдущее, когда сюжеты крутились вокруг грандиозных замков и многоквартирных домов в мегаполисах.

Здесь ему тоже понравилось. Можно было бы сказать, что дом Суздалева напоминает усадьбу утонченного японского князя, страдающего гигантоманией. Восточного облика дом,

но раза в три больше, чем храм Реандзи. Вместо четырех соток (в пересчете на наши меры) – два гектара. Криптомерии, сакуры до плеча, прочие бонсаи заменяют уходящие в поднебесья деревья, высаженные «еще до исторического материализма», как выражался Остап. Роль ручейков, которые можно перешагнуть, и водопадиков высотой по колено исполняла полноводная Истра с мастерски оформленными берегами. Грудки камешков – гранитные валуны. И прочее в той же тональности и эстетике.

Само собой, вторая половина ХХI века – не то что начало ХХ: интерьеры другие, строительные технологии, оборудование. А так – примерно то же самое. Если не слишком вникать. Вникать следовало в другое.

– Вы мне скажите, Георгий Михайлович, – настаивал Шульгин, – вы специально, исходя из *соображений* в Ниловой оказались или случайно, с плановой проверкой?

– Не заметили противоречия?

– Я все замечаю и оговорки допускаю обычно намеренно. Суть вы уловили?

– Сложно с вами разговаривать, Александр Иванович. Масса времени уходит на такое вот...

– А вы бы не отвлекались. Говорите по теме, а *крючки* на потом оставляйте.

– Оно бы и правильно, но не приучен я в тылу неподдавленные очаги сопротивления бросать...

– Тогда хреновые вы вояки. Видно, что Вторую мировую не пережили. Я спросил не из чистого любопытства, поверьте. Меня поразило – каким образом лично вы, единственный человек в этом мире, знающий меня и Игоря, оказались в точке, где мы пересеклись с ним, что невозможно, исходя из теории вероятности, даже для двух в столь разных местах и временах пребывающих людей. Третий элемент, то есть вы, выводит ситуацию в область не нулевых даже, отрицательных вероятностей. И хотелось бы, минуя требования политеса, получать от вас четкие и конкретные ответы. Потом я на основах взаимности готов отвечать и вам.

Это не прихоть, это оперативная необходимость. Я не знаю, каким временем мы располагаем. Если начнется очередной *хроноклазм*, лично вас я, может быть, и выдерну, а остальным придет хана. Так что давайте, а чинами после сочтемся...

Суздалев, будучи личностью здравомыслящей и ответственной (а также, что с первой встречи удивило Новикова, не подверженной синдрому «административного восторга» от собственного величия), коротко и четко доложил, что с момента прощания с господином Ньюменом разбалансировка мира начала нарастать. Опять-таки незаметно для большинства населения Земли. Да и сам он, вместе со всей «криптократией» старшего и нового поколения, никоим образом не соотнес бы происходящее с явлениями, имеющими источник «извне», если бы не изучил полученные от Новика

книги и не поверил в правдивость его слов.

Удивительным образом (да не таким уж и удивительным, если вспомнить предвоенную, 1912–1914 годов, обстановку в Европе) обострились ранее вполне спокойные отношения между малыми странами.

Румыния, Греция, Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Югославия в особенности, как-то слишком дружно и синхронно вспомнили о былых претензиях и конфликтах. Кто на чьей стороне воевал в трех балканских войнах и Мировой, кто кого предавал и на сторону какого врага перекидывался...

Шульгин и в реальном мире считал все эти европейские лимитрофы вполне искусственными образованиями, волюнтаристскими порождениями Версальской, а позже – Ялтинской системы. С границами, произвольно нарисованными победителями, руководствовавшимися совсем не логикой истории, а сиюминутными интересами так называемых «демократических правительств». Сами же «правительства» – несколько десятков адвокатов и лавочников, волею толпы на несколько лет избранные вершителями судеб мира. Пуанкаре, вильсоны, гладстоны и тому подобные деятели, имен которых не помнят даже многие профессиональные историки.

Вот теперь кто-то и подсказал гражданам и лидерам стран, которые никогда прежде не имели собственной государственности и вдруг ее обрели, что с ними поступили «несправедливо». Кому Трансильвании недодали, кому По-

знани и Данцига, Тешинского края, Буковины, Вильно или... Не будем вникать.

Определенные трения между ними происходили всегда, но преимущественно на бытовом уровне, в зонах *цивилизационных разломов* и чересполосицы национально-культурных автономий. Верховные власти обычно старались эту напряженность гасить доступными средствами. А тут вдруг, во второй половине сверхблагополучного (для евроцентричных стран) века, с цепи сорвались как раз элиты и власти. Тональность публичных заявлений, дипломатических нот и взаимных претензий буквально за полгода достигла африканского уровня. И это в мире, где земные звездолеты летали на сотню парсек за срок, сравнимый с временем плавания эмигрантского пакетбота от Лондона до Сиднея, с теми же примерно затратами. Вот бы и основывали этнические колонии на Крюгере или в системе Бетельгейзе.

Так Шульгин и спросил Суздалева:

– Вы, Великие державы, не могли им устроить по персональному Израилю? Скинулись бы и отселили *национально озабоченных* в удобные места. В случае чего – под дулами автоматов. Англичане с кремневыми ружьями сумели отправить свои «проблемные элементы» далеко-далеко, и существует теперь в мире очень приличная Австралия...

– Да о чем вы, Александр Иванович! Это у вас осталась агрессивная жилка первопроходцев, а мы – ... – он грубо выругался. Лексика и в этом времени родная и понятная. –

В общем, пограничные стычки, перерастающие в нормальные войны, идут сейчас уже внутри нашего тихого сада. Вот буквально на днях завязались довольно кровопролитные беспорядки на стыке венгерской, румынской и югославской границ. На очереди греко-болгаро-турецкое противостояние. А что на биржах творится! В самых верхах ООН зреет намерение отказаться от золотого стандарта. Вы представляете, к чему это ведет?

– Представляю, у нас аналогичная история случилась в 1973-м, тогда рассыпалась Бреттон-Вудская система и пошла всемирная инфляция...

– Вы понимаете – все это **ОДНОВРЕМЕННО!** И нет ни малейшей политической воли у лидеров держав, как вы выразились, прекратить это безобразие. Беззубое вяканье с парламентских трибун, призывы к благоразумию и невмешательству. Хуже того, пример оказывается заразительным. Сепаратизм и ирредентизм¹ поднял голову и у нас.

Но это частности, хотя и неприятные. В случае продолжения в том же направлении Россия сможет даже определенный выигрыш получить. Армия у нас в приличном состоянии, технологический уровень тоже высок. Хроноквантовые двигатели для звездолетов умеем строить только мы. Свои границы защитим, где нужно – интервенции проведем. Де-

¹ Ирредентизм – стремление присоединить к своей стране чужие территории, населенные соотечественниками. Напр. аннексия Судетской области Чехословакии Германией.

ло совсем в другом. Я после знакомства с господином Новиковым посадил несколько абсолютно надежных аналитиков с подходящим образованием за интересную работу. Вручил им распечатки с полученных от Андрея Дмитриевича монографий и предложил составить параллельные таблицы главнейших исторических, политических событий, динамику экономических процессов у вас и у нас. От момента «развилки». Жаль, что у вас все заканчивается восемьдесят вторым годом... Но тенденции и без того ясны... Мы провели экстраполяцию...

«Экстраполяцию вы провели, – подумал Шульгин, – неплохо бы взглянуть. Если твои ребята предсказали самоликвидацию СССР, КПСС и Соввласти – немедленно переманю их на министерские оклады...»

– Понятно. Дальше объяснять не нужно. Будет время, я вас попробую в похожий на ваш мирок сводить. Примерно посередине расположился, в начале двухтысячных. То же химера, разумеется, и развилка почти там же. И у них аналогичные проблемы, только мужики там поглубже собрались, потомки белых победителей в Гражданской. Во главе с Императором. Не обремененные либеральными иллюзиями. Ориентируются на Николая Первого Павловича. Этот из нашей общей истории. Так он не стеснялся «братскую интернациональную помощь» коллегам по Священному Союзу оказывать. Правда, потом его тоже «кинули» «братья по тронам», но это уже от его доброты и доверчивости. Но я

вам совсем другой вопрос задал. За информацию спасибо, мы к ней непременно вернемся, но как и зачем вы оказались в Ниловой пустыни день в день со мной? Вы, кажется, начали о некоей специальной *тонкости* в этом деле говорить, да Игорь помешал.

Умел Сашка, белогвардейский генерал-лейтенант и координатор спецслужб обеих противоборствующих сторон, *беседовать* с людьми. Внушая им мимолетно мысль, что сопротивляться и спорить – себе дороже обойдется. Уж генерал Врангель, Слащев-Крымский, Яков Агранов, сам адмирал Колчак покруче деятели были, а Александра Ивановича за авторитета признавали. Суздалев правильно оценил ситуацию. На вверенной ему территории, безусловно, бояться члену тайного правительства было нечего, в особенности – одного человека, из какого бы времени тот ни появился. Но он нуждался в помощи, пусть пока и консультативной, поэтому спорить не считал нужным.

Кроме того, Георгий Михайлович был по-настоящему встревожен. На самом деле внешнеполитические вопросы его волновали не слишком, не его епархия (в буквальном смысле), они были интересны лишь в качестве симптомов общего неблагополучия. А вот события в окрестностях Селигера – совсем другое дело. Тем более нечто подобное уже происходило и в других местах, просто не так масштабно и наглядно.

– Ах, да... Дело было так. Отец Флор, тоже полковник

особой службы, кстати, сообщил мне, что на вверенной ему территории происходят непонятные вещи. Деформации времени, как вы правильно выразились. Монастырь изменения почти не затронули. А вокруг... Ну, вы сами знаете. Добросовестность игумена я подвергать сомнению оснований не имел, ибо основной принцип нашей работы вы, как специалист, знаете...

– Знаю, – кивнул Шульгин, – или ты работаешь с агентом, или нет.

– Точно. Но и принимать какие-либо решения на основании устной информации сказочного жанра немыслимо. Бомбардировочную дивизию поднять по тревоге, к примеру. Я полетел туда сам. Иного выхода не было...

Шульгин снова кивнул.

– Прибыл, выслушал доклад игумена, опросил несколько очевидцев. Из числа монахов, не попавших под влияние «процесса» и сохранивших здравомыслие и адекватность, а также людей, полностью отождествляющих себя с так называемым «тринадцатым веком». Допрашивать мы умеем, это вам и Андрей Дмитриевич может подтвердить. Все, естественно, проходили процедуру как свидетели, обвиняемых и потерпевших пока не обозначилось.

Последние слова он произнес с уместной долей иронии.

– И что же мы выяснили? Процесс протекает крайне дискретно. Монастырь является одновременно центром «постановки» и очагом «стабильности», не позволяющим «нава-

ждению», или «псевдореальности», полностью вступить в свои права. Большая часть монахов (имеющих спецподготовку), как и отец Флор, оказались абсолютно невосприимчивы, с самого начала осознавая, что имеют дело с чем-то необъяснимым, но не сверхъестественным. Остальные оказались в положении нашего друга Ростокина, «меж двух миров». Внутри монастырских помещений и храма сохраняют ту или иную степень критичности, но уже во дворах и тем более за стенами иллюзия берет верх. За пределами острова сто процентов жителей абсолютно убеждены в подлинности происходящего и ведут себя соответственно. Все это в радиусе примерно двадцати километров. Дальше наша разведка не проникала.

Все предметы снаряжения и вооружения абсолютно подлинные, то есть материальны и работоспособны, только не имеют аналогов и даже прототипов в нашем мире. Это именно «оружие вообще». Я бы сказал так – воплощенная в металле идея оружия определенной исторической эпохи. Также и все прочее – дикая мешанина подлинных фактов, обывательских представлений, «зрелищных эпизодов». Как в плохом фильме. Но, повторяюсь, все вместе до ужаса реалистично.

Шульгин не мог с ним не согласиться: сам пришел точно к такому выводу.

– А до моего появления вы с «князем Игорем» не контактировали? Когда он на своем КП княжну встречал, а потом

в монастырь явился оборону организовывать? Не появилась у вас идея связать происходящее с планом «Репортер»?

– Вы и об этом знаете? – поразился Суздалев, но тут же и поправился: – Ах да, конечно! Как я мог забыть. Снова Андрей Дмитриевич... Нет, встречаться я с ним не стал. По названной вами причине. Скажу даже больше – после того как Новиков разыскал Ростокина в Сан-Франциско и оба они исчезли из нашего поля зрения, названный вами план получил более высокую степень важности. Ваш друг по непонятной причине не счел нужным поставить нас в известность о своих дальнейших действиях...

– От его имени приношу извинения. Ситуация сложилась таким образом, что им пришлось отступить в наше время в экстренном порядке. Эвакуироваться, можно сказать. Вот только сейчас появилась возможность вернуться. И тоже не совсем по своей воле. Но это отдельный разговор, у нас еще будет время, надеюсь.

– Я – тем более. Как только отец Флор сообщил мне о начавшемся катаклизме и передал первую видеозапись, я по своей линии объявил боевую тревогу и приказал взять «объект» под плотное наблюдение. И ваше появление мои сотрудники немедленно зафиксировали. Мне, поверьте, сразу на душе полегчало. Хотя какая-то определенность... А помня наши разговоры с Новиковым, я подумал, что вы там у себя сочли это время подходящим для вмешательства...

План «Репортер», о котором вспомнил Шульгин, основывался на предположении, что Земля стала объектом экспансии или хотя бы пристального внимания инопланетных пришельцев. Правда, кроме самого Ростоккина, лично начальника службы безопасности космофлота Маркина и еще нескольких человек их никто не наблюдал и с ними не контактировал. Возможность утечки информации и возникновения по этому случаю паники среди обывателей и политических осложнений на более высоком уровне была мастерски пресечена сразу с двух сторон. СБКФ² наложила гриф высшей секретности на подлинные факты, под угрозой бессроного лишения допуска в Заземелье заставила молчать очевидцев и участников. Одновременно Игорю было позволено опубликовать свой репортаж под видом серии фантастико-приключенческих рассказов. Рекламу им хорошую создали. Теперь, если бы кто и проболтался, это выглядело бы верным симптомом шизофрении. Начитался человек и вслух пересказывает прочитанное, утверждая, что он и есть главный герой выдуманных известным журналистом событий.

Здесь в проблему «свободы печати» вмешались сразу два мощных ведомства, не пересекающиеся в своих интересах, но имеющие возможность друг с другом договариваться. Начальник Службы безопасности галактического космофлота

² Служба безопасности космического флота.

адмирал Валентин Петрович Маркин состоял в формальном подчинении ООН, на самом же деле не подчинялся никому, поскольку никто в этом мире понятия не имел, чем именно он занимается. Такая вот интересная должность.

Георгий Михайлович Суздаlev вообще не существовал как официальная фигура, но отвечал за национальную идею и психологическое здоровье нации, для поддержания которого располагал практически неограниченными, но тоже абсолютно секретными возможностями.

И, что самое смешное, оба они были завязаны личными дружескими (и не только) отношениями с Ростокиным.

– Мы, я вам скажу, узнав по своим каналам о некоторых очень интересных приключениях Игоря в дальних мирах, решили, что во всем происходящем замешаны инопланетяне. У нас с Ростокиным задолго до того, как он начал представлять специфический интерес, сложились очень теплые, бескорыстные отношения. Он, считая меня своим единственным, причем старшим и умудренным другом, рассказывал мне то, что не позволил бы сказать любимой женщине...

– А вы его пытались обратить в свою веру?

– Если в православие, то да, пробовал. Не получилось. Если в нашу службу – не стал. Чересчур самостоятелен и к субординации относится негативно.

Шульгин молча кивнул. Хороший специалист господин Суздаlev, а с контингентом работать не умеет. Прямо все те-

бе должны немедленно на задние лапки встать и язык высунуть. А ты попробуй с тем, кто себя выше ощущает, и ты ему хоть друг-монах, хоть адмирал, а все равно никто. В определенном смысле.

О том, что лично у него вербовка Ростоккина прошла беспроблемно, он говорить не стал.

– Значит, тема «пришельцев» подтверждения не нашла?

– Пока нет. Да и были ли они? Мы тридцать лет летаем между звездами, много чего нашли и увидели, а вот населенных планет и представителей того самого разума не встречали. За исключением случаев, описанных Игорем. Продолжения те контакты не получили.

– Но мне помнится, что в эпизоде на Крюгере было замешано несколько десятков человек, включая и самого адмирала...

Суздалев как-то странно дернул щекой. Почти незаметно для кого угодно, кроме Шульгина.

– Рассказик, согласен, неплохо написан. Да только ни единого человека, там упомянутого, кроме В.П. Маркина, в природе не существует. И кораблей с такими названиями нет, и нарушений графиков в те дни не было...

Сашке показалось, что собеседнику не совсем приятно говорить на эту тему. Значит, надо тем более форсировать ситуацию.

– Георгий Михайлович, если вы хотите со мной работать «на паях и полном абсолютном доверии», то не валяйте вань-

ку, пожалуйста. Я понимаю, что вы крайне задеты и обижены тем, что адмирал Маркин вас послал далеко и еще дальше. Адмиралы – они такие. И знаете почему?

– Ну-ка...

– Адмирал, если настоящий, в отличие от сухопутного генерала выходит в море со своей эскадрой и разделяет с ней свою судьбу! Ни личный автомобиль, ни самолет его в безопасный тыл не вывезут. Побеждать – так побеждать. Тонуть – всем вместе. Вы, наверное, этой простой истины не знали и разговаривали с ним с пехотной точки зрения...

Похоже, в нужную точку Шульгин попал.

– Думаете, у вас бы лучше получилось?

– Даже не сомневаюсь. Придет время – поговорим. Куда он денется, тем более, со слов Игоря, – очень приличный мужчина... Но вы снова очень умело увели разговор в сторону. Не хочется мне зряшно конфликтовать, по пустякам притом. Давайте попросту. Коротко, четко, исключительно по теме, в рассуждении, что мы с вами действительно союзники. Если нет – шапки врозь и конец компании...

– Хорошо, – Суздаев произнес это таким тоном, что Сашка подумал: «Впредь могут и проблемы возникнуть, если, конечно, ситуация для монаха и его мира изменится в лучшую сторону».

– О появлении в окрестностях монастыря «командного пункта» походного воеводы Игоря Мещерского отец Флор доложил мне по интеркому немедленно. Равно как и о том,

что рядом с его обителью начало происходить и все остальное. Прошу отметить, мои люди настолько хорошо подготовлены для настоящих и будущих событий, что игумен мгновенно включился в игру и начал вести себя «как положено».

– Это очень умно, Георгий Михайлович, вы даже не подозреваете, насколько. Может быть, отец Флор спас всех ВАС от очень крупных неприятностей. А вот если с иной точки посмотреть – возможно, наоборот, лишил нирваны...

– Пояснить можете?

– Свободно. Только опять закурю. Неудобно я себя среди вас, духовных лиц, чувствую. Все время дергаешься, как бы чего не нарушить, чьи-то чувства не оскорбить...

– Насчет этого можете не беспокоиться. А чтобы вы еще лучше представили себе абсурдность положения, скажу самое главное. Весь этот *процесс* своей *односторонностью* здорово напоминает мне кольцо Мебиуса. То есть он именно односторонний в полном смысле слова. При взгляде *извне* там не происходит совершенно ничего. Вы можете хоть на автомобиле, хоть пешком добраться из Москвы до самого Осташкова и не увидите никаких признаков *химеры*. Проверено. *Зона* начинается примерно в полукилометре от избы Ростокина и ровным кольцом охватывает часть берега и монастырь...

На экране компьютера Суздалев показал панораму района и обозначенную красной линией границу.

– Только пройдя ее вы попадаете в химерическую реаль-

ность. И уже тогда она начинает *действовать*. Не на всех, как я отмечал, но кто *подвержен*, обратно вернуться тем же путем уже неспособен. И сфера *наваждения* распространяется, как я уже докладывал, на двадцать километров минимум. Вы поняли?

– Чего ж не понять? Хотелось бы, для полноты картины, провести еще один эксперимент. Войти в зону с нашей стороны на самой дальней границе ее распространения и пообщаться с людьми, проживающими там. Народ ведь все цивилизованный, не крестьяне малограмотные. Постоянно должны туда-сюда мотаться, машинами и прочим транспортом...

– Александр Иванович, вы не поняли? – с долей сожаления спросил Суздалев. – Повторяю – *отсюда* все в норме. До моста и стен пустыни. Люди, архитектура, инфраструктура, психика. Оттуда в нашу сторону – «тринадцатый» век. Возможно – всю территорию России, а то и Землю целиком захватывает. Просто мы не успели настоящую экспедицию наладить.

«Ну, на всю Землю у Игоря *мощи* не хватит, – подумал Шульгин, – да и на Россию вряд ли, если только его к подходящему трансформатору не подключили».

– Экспедицию – это правильно! Танковую дивизию и воздушно-десантный корпус к монастырю марш-броском, а от туда по расходящимся направлениям – до крайних пределов. До Каракорума на востоке, до Атлантики на западе. Очень приличная держава может получиться. Ваш протекторат. Ве-

ликий князь уже есть, княжна тоже...

Он сам не понял, очередная хохмочка с языка сорвалась или же...

Судя по искре, мелькнувшей в глазах Суздалева, скорее второе.

Чтобы не терять инициативы и одновременно создать у собеседника впечатление, что он все ж таки обычным образом дурака валяет, продолжил:

– Священные дружины свои мобилизуйте, грамотную схему межконфессионального взаимодействия разработайте, на башни символику нанесите, отгоняющую нечистую силу любой ориентации, радиаторы святой водой залейте... У Росткина, кстати, в этом деле тоже опыт богатый...

– Расскажите?

– Не мой вопрос. Сам расскажет, если захочет. Тема глубоко личная. Давайте о нашем. Если доведется здесь задержаться, нам следует на приличном, вами определенном уровне, в «узком круге ограниченных людей» собраться и какой-нибудь подходящий пакт заключить. Насчет «антанте кордиаль».³ Думаю, есть основания.

– Основания наверняка есть. Однако разговаривать с вами удивительно трудно. Большого напряжения требует.

– Да что вы?! – искренне удивился Шульгин. – Мне кажется, должно обстоять полностью наоборот. Вы, худо-бедно, книжки из нашей общей истории читали, от Пушкина,

³ Сердечное согласие (франц.).

Салтыкова-Щедрина до как минимум Горького и Алексея Толстого. Значит, лексику, а также и стиль мышления представлять должны. А я, к сожалению, ни одной у вас за сто двадцать лет написанной книги не читал! Кому труднее?

После часа с лишним рассуждений на общие темы, специально обходя конкретности, Суздалев согласился, чтобы Шульгин с Ростокиным избавили его от своего присутствия и переночевали на квартире у Игоря. Александр и здесь сумел быть деликатно-убедительным.

О том, что Суздалев вольно или невольно «засвечен», он впрямую говорить не стал, но намекнул именно на это. А вот жилище Ростокина уже почти год полностью *выведено из обращения*, и в ближайшие сутки внимание «посторонних сил» на него обратится в самом крайнем случае. Особенно если принять должные меры предосторожности.

Глава вторая

– Зайчик на резиночке, – сказал Шульгин, глядя с балкона квартиры Ростокина на панораму Сретенского бульвара вправо и влево. Вид был приятный для глаз, рождественская иллюминация до конца перспективы, непременный снегопад, придававший окружающему дополнительную прелесть. Прямо внизу, в парке, окружающем гостиницу «Славянская беседа», веселились постояльцы, швырялись снежками, лепили снежных баб, пили у костров глинтвейн и сбитень, пели песни, толпились в очереди к запряженным в сани тройкам, катающим почтеннейшую публику по Бульварному кольцу или куда господа прикажут.

Вновь его наполнило то самое чувство всеблагости и покоя, как и во время встречи прошлого Нового года в этом же мире. Здесь бы только и жить...

– Не понял, Александр Иванович, – ответил Ростокин, тоже благодушный, потягивающий толстую сигару, вышедший на десятиградусный морозец в одной крахмальной сорочке.

– Игрушка у меня была любимая в скучные послевоенные годы, – пояснил Сашка с внезапно нахлынувшей грустью. – Обтянутый фольгой зайчик из смятой оберточной бумаги, ушки красные, глазки из бусинок, на длинной резинке от самолетного амортизатора. Ты его бросаешь на весь размах, а он возвращается в руку... Вот и мы с тобой так же. Когда

я здесь с Андреем, Аллой и Ириной справлял Новый год, а ты болтался черт-те где, под шампанское проскочила фраза, не помню уж, кем сказанная, что ничего мы не можем и не должны хотеть, мы просто исполняем миссию...

– Вы, Александр Иванович, на самом деле так думаете?

– Другого выбора и другого выхода у меня просто нет, – сказал Шульгин с непривычным даже для него пессимизмом. – Как у генерала Корнилова. Мы тут мечемся, воображаем, соображаем, а миссия существует, выше нас и помимо нас. Я долго терзался, много лет подряд, и прямо сегодня утром еще, а тут просветление снизошло. Погода, наверное, повлияла. У нас, как ты помнишь, гниль всякая, глобальное потепление и дожди всю зиму, а здесь – как в сказке. Или в начале *тех* пятидесятых. Миссия же наша – пусть и навязанная извне – спасти миры и человечества, сколько бы их ни было, хотят они этого или не хотят. Я, кстати, долго это пытался понять, а только сейчас показалось, что понял.

Ростокин правильно оценил неопределенный жест правой руки Шульгина, шагнул в комнату и вернулся с двумя бокалами шампанского-брют. На морозце – очень неплохо. Именно шампанское, предрасполагающее к дальнейшим откровениям – совсем не тем, которые способна пробудить водка. И даже коньяк, с кофе или без. Это вообще отдельная тема для исследования.

– Только сейчас понял, – повторил Шульгин. – Все мучился, мучился, зачем, думаю, нам все время подкидывают ду-

рацкие задачи, заставляют абсолютной ерундой, если вдуматься, заниматься. Вот у меня сейчас в Испании ситуация зависла – победим или же как было все останется? Тут вы подвязались – какого, казалось бы, хрена? Счастливы и довольны сверх всякой меры. А и вас тоже спасти надо...

Ростокин, зная Шульгина более года и во всяких, как ду-малось, случаях, все равно не улавливал извилистого хода его мыслей.

– Идея совершенно проста, – Сашка сквозь зубы выцедил ледяной, пузырящийся напиток. – Стержень. Стержень-замедлитель графитовый. Это я, то есть. Засовывают меня в какую вздумается дыру и смотрят, стабилизировал я процесс или нет. Если не разнесло к чертям, в другую толкают... Противно, знаешь ли, себя в таком качестве ощущать.

– Вы не преувеличиваете, Александр Иванович? – осторожно спросил Игорь.

– Об этом, если нечего делать, у Троцкого спроси. А можешь прямо сейчас своего Маркина на связь вывести?

У Ростокина в квартире был установлен компьютер, какого почти ни у кого не было в этой стране. Особым способом включенный во всемирную информационную сеть благодаря другу, лауреату Нобелевской премии за открытия в вопросах нечеловеческих логик. Любого человека в любой точке земшара можно было разыскать в секунды, если он, конечно, оставлял хоть какие-то электронные следы – от пользования банкоматом до телефонного звонка. И много чего другого

сделать, далеко не всегда в рамках законности.

– Попробовать можно, только о чем говорить станем?

– Не твоя забота. Соединись, а дальше я...

– Неприятностей не боитесь?

– Волков бояться... Разве что тебе навредить могу?

– Да и мне сильно не навредите. Сбежать сумеем, если совсем плохо станет?

– Должны. До ближайшей станции СПВ далековато, сам знаешь, а на «заклинаниях» выскочим, если пуля в затылок из снайперки не догонит. А ты от своего друга подобной подлянки ждешь?

– Нет, на него не похоже. Адмирал строг, но не злокознен.

– Вот и поглядим...

Здесьними компьютерами, не похожими ни на земные восьмидесятых годов, ни на те, что были установлены в Замке и на «Валгалле», Шульгин научился пользоваться давно, но у Ростоккина была несколько иная модель, обычным гражданам недоступная. В большинстве своем аппараты индивидуального пользования представляли собой лишь терминалы с сенсорными панелями, заменяющими привычную клавиатуру, процессоры же использовались централизованные, сетевого типа. Только очень немногие имели право и возможность на настоящие, в нашем понимании, ПК, оснащенные крюгеритовыми *псевдомозгами* с быстроедействием за триллион операций в секунду, причем на базе всех известных логик одновременно.

Вот и Ростокин таким разжился.

Включив устройство и начав вводить в него задачу, подчиняясь указаниям Игоря, Шульгин всерьез опасался, не случится ли прямо сейчас чего-то непредвиденного. Его ведь уже три раза «без объяснения причин» отстраняли от компьютерной техники. Вот и сейчас могло произойти нечто подобное – от спонтанного переброса в очередной *эпизод* до элементарного зависания машины на неопределенный срок.

Но нет, пока все шло гладко. Он решил, что, может быть, его нынешнее намерение не представляет опасности для «игроков» или «ловушки». Хорошо, еще шажок по тонкому льду. Пока не потрескивает.

Связь с компьютерной сетью СБКФ установилась сразу, известный Ростокину пароль не изменился. Несколько ступенек и уровней удалось пройти без помех и затруднений. Только на пороге личного портала Маркина замигал предупреждающий транспарантик.

– Ну-ка дайте, теперь я сам, – отстранил Игорь Шульгина.

Сашка отъехал со своим креслом на полметра в сторону, старательно запоминая все действия Ростокина. Тут опять пригодился дублированный мозг, он просто записывал на свободные клетки всю последовательность движений пальцев журналиста, со стороны посмотреть – неуловимо быстрых, возникающие на экранах символы, иные детали и подробности.

Примерно так же он мог бы зафиксировать и при необхо-

димости успешно воспроизвести действия пилота, поднимающего в воздух реактивный лайнер, не имея никакого собственного опыта.

Все уровни защиты были пройдены, и на центральном экране высветился интерьер кабинета Маркина и он сам, склонившийся над солидной пачкой каких-то распечаток.

– Аппаратура и видеосопровождение включено принудительно, – пояснил Ростокин, очевидным образом нервничающий. Это ведь, как ни крути, несанкционированное проникновение на режимный, особо охраняемый объект.

– Все беру на себя, – Шульгин снова сдвинул кресло на центральную позицию, оттеснив Игоря за пределы видимости с той стороны. – Хорошо хоть что он на месте оказался, а не в космосе болтается...

Маркин, услышав потрескивание электрических разрядов на своем громадном мониторе, вскинул голову. То, что он увидел, его бесспорно поразило. С экрана на него благожелательно, но, как показалось адмиралу, с некоторым вызовом смотрел незнакомый мужчина тридцати с лишним лет, облик которого отмечала некая «потусторонность». В том смысле, что его фенотип заметно (для наметанного глаза) отличался от российского и даже общеевропейского. (Как, примерно, на старых фотографиях легко отличить бывшего царского офицера от красных «выдвиженцев».)

Но не это самое главное. Маркин знал, что незнакомец не принадлежит к кругу людей, которые хотя бы теоретически

могли по собственной инициативе выйти с ним на связь.

– Здравствуйте, Валентин Петрович, низжайше прошу извинения за то, что отвлек вас от дел. Но мое, поверьте, не терпит отлагательства. Позвольте представиться – Шульгин Александр Иванович. Генерал-лейтенант...

– Не знаю такого, – не стал размениваться на обмен любезностями Маркин. – В списках, как говорится, не значится...

– Вы что же, пофамильно и в лицо всех генералов знаете?

– Положение обязывает. Итак – кто вы на самом деле, каким образом включились в систему и что вам нужно? Предупреждаю, в ближайшее время ваше местонахождение будет установлено, со всеми вытекающими последствиями.

– Разве желание поговорить с особой вашего ранга является уголовно наказуемым правонарушением?

– Специфика возглавляемой мною организации не всегда совпадает с действующими национальными законодательствами. Более того – не может ими регламентироваться по той же самой причине... У нас есть свой, космический Кодекс, одобренный ООН и применяемый ситуативно...

«Время тянет, – подумал Сашка, – а сейчас его ребята, как опеченые зайцы, прозванивают сети, запускают на полную мощность свою контрольно-поисковую технику».

Вопросительно взглянул на Ростокина. Тот помотал головой – не найдут, мол. Компьютерные хитрости Скуратова и аппаратура, установленная Левашовым на «Валгалле» и в

Форте Росс, уведут их в такие дебри, что за неделю не выпутаются. Будут старательно «ловить конский топот».

Шульгин в очередной раз подумал, как все запутано. Казалось бы, проще всего сейчас связаться по этому же компьютеру с Новой Зеландией, кто-то же там находится в форте или на пароходе. Воронцов – почти наверняка. Запросить помощи, и она через несколько часов прибудет, а то и сразу, если через внепространство.

Все сразу стало бы хорошо и просто. С борта «Валгаллы» и с Маркиным куда легче переговоры вести, и с Суздаlevым отношения налаживать. А вот явственно ощущается, что делать этого нельзя. Примерно как в «Конце вечности»: Харлан испытывал непреодолимый ужас при мысли о возможности встретиться с самим собой. Так и Шульгин – явится он к своим, находясь в собственном, каким-то образом полученном от (или в) Сети теле. Что это за тело? Белковое или сгусток энергии? Не случится ли самой обыкновенной аннигиляции при соприкосновении не только с собственным оригиналом даже, а с любым предметом, имеющим к нему отношение?

Или они все же оказались в реальности, смещенной по отношению к «настоящей» буквально на несколько хроноквантов, где МНВ заключается в том, что из нее на несколько месяцев был извлечен Ростокин и Алла, Суздаlev познакомился с Новиковым и Ириной. Вполне достаточно, чтобы мировые линии сместились. Палец дрогнул на спуске, и пуля по-

шла мимо мишени. Или – в другую мишень.

Трудно даже вообразить, в сколь перепутанном клубке мировых и вероятностных линий он сейчас находится то ли в виде узелка, то ли ниточки, за которую надо своевременно дернуть. Или – одного из проводков в механизме хитро устроенной мины.

«Только не политурьте».

Тут еще одна хитрость имеется, на которую Ростокин или не обратил внимания, поглощенный более значительными событиями, или, по каким-то своим соображениям, решил промолчать. Как не подал виду, что узнал в могущественном Суздаleve скромного монаха.

Игорь очутился в личине князя, пройдя через астрал, и все время, которое он провел в обществе княжны, Артура, мертвых друзей, его тело пребывало в трансе на столешниковской квартире. Около пятнадцати минут, оставаясь в поле зрения трех сильных медиумов. После чего сознание к нему вернулось, вдобавок привело с собой обретших безусловную материальность Артура с Верой.

Теперь, значит, все случилось с точностью до наоборот? В момент пересечения дископланом какой-то незримой границы между вымыслом и реальностью их эфирные (или же астральные, ментальные, а то и *высшие*) тела сгустились настолько (под влиянием перенесенных страданий и просветления, объяснял это явление Удолин), что взяли на себя функцию физических. Отрицать подобную возможность

нельзя просто потому, что Шульгин неоднократно убеждался в правоте великого мистика.

Соответственно, можно предположить, что в иной реальности, сто тридцать лет назад, Ростокин по-прежнему ослабленно дремлет в кресле, они втроем ждут его возвращения. Оставаясь вполне материальными, но ментально включенными в Сеть, ибо обеспечивают пребывание там Игоря.

«Одновременно», только четырнадцатью годами позже, второй *ментальный слепок* Шульгина тоже вышел в Сеть, поскитался в ее уровнях и закоулках, пересекся (или его притянуло) с точкой пребывания Ростокина. Случайно или со специальной целью. И при контакте с безусловно материальным Суздаlevым случилось и их воплощение?

Теоретически (а какая вообще может быть здесь «теория»?) допустимо. Если они спокойно жили в своем исходном облике с рождения и до дня Исхода, при том, что одновременно геройствовали в прошлом и будущем, отчего бы не добавить к биографии лишнюю сущность?

Если же никакого удвоения или умножения не произошло, а ростокинская реальность со всеми мелкими и мельчайшими подробностями, Суздаlevым и Маркиным просто скопирована Ловушкой, остается выяснить – зачем?

В любом случае будем играть, до поры не выламываясь из навязанной схемы.

– Валентин Петрович, если вы думаете, что избранная ва-

ми тактика непременно приведет к победе, то вы уже ошиблись. Меня вы не нашли и в обозримое время не найдете. Ваше счастье, что я вам не противник. Я разыскал вас потому, что вы один из тех людей, которые пока еще способны удержать этот мир от срыва...

– Чего вы хотите? – мгновенно перестроился Маркин. Да и странно если бы было иначе. Один из первых на Земле пилотов-самоучек, выведший в межгалактическое пространство хроноквантовый звездолет, а проще говоря – обычную подводную лодку типа «Барс», на которой заменили реактор на странную, но перспективную конструкцию. Такой человек должен обладать набором личных качеств, у Шульгина и его друзей вызывающих искреннее уважение. Тем более – он-то действовал без подстраховки, даже такой сомнительной, как честное слово неизвестно откуда взявшегося «форзейля». Настоящий летчик-испытатель эпохи Блерио, Нестерова и Арцеулова. Парашютов еще нет, а летать и крутить фигуры высшего пилотажа тянет непреодолимо.

– С вами хочу встретиться. На нейтральной почве. Познакомиться, обменяться мнениями. Вы же личность экстерриториальная, «нынче здесь, а завтра там», и от коллег с Крюгера наверняка полезную информацию получили, которую до мирового сообщества довести не сочли нужным...

Шульгин изобразил самую очаровательную из своих улыбок, которая женщинам нравилась, а иных мужиков бросала в дрожь.

– Где и как? – быстро спросил Маркин.

Сашка попал в точку, начальник СБКФ был заинтригован – как минимум. А то и вообразил, что явились поторговаться те самые инопланетяне, друзья и начальники девушки Зари. Вопрос в одном – готов он на равноценное общение или затаил нечто профессиональное?

– На ваше усмотрение, – ответил Сашка. – К вам я, естественно, не поеду. Конспиративной квартиры у меня нет. А вот... – На глазах у адмирала он начал бегло листать толстый том справочника «Желтые страницы Москвы». Как ни шагнула компьютерная техника, а все равно больше половины информационных справочников выпускалось в бумажном варианте: невозможно за полвека переломить тысячелетние традиции. Для адмирала это будет еще одним дополнительным штришком. У многих эстетов вообще считалось неприличным пользоваться электронными записными книжками и тому подобной техникой. Кроме того, вновь, по примеру девятнадцатого века, стало комильфо иметь при себе личного секретаря, вообще не затрудняясь пошлой ерундой.

– Вот, «Славянская беседа», – словно бы наугад ткнул он пальцем. – «Гостиница, три ресторана, трактир, кофейня, номера на любой вкус, отдельные терема. Цены умеренные, Сретенский бульвар, номер такой-то». Подъезжайте, ваше превосходительство, посидим. Тут дальше еще интересно написано: «Гарантируем незабываемые впечатления!» Неза-

бываемых я вам, конечно, не гарантирую, но только в том случае, если вы приедете без лезущей на глаза охраны.

Начальник самой мощной по своим возможностям и самой независимой от всех властей и правительств службы явно испытывал некоторое сомнение. Словно бы тот же товарищ Берия или Аллен Даллес, если бы их неизвестный пригласил на рюмочку водки в московскую забегаловку или малоизвестный бар на Манхэттене. Разумеется, нынешний мир был куда свободнее и безопаснее, однако...

Сколько уже длился разговор, а специалисты Маркина только мотали головами и разводили руками. Источник контакта идентификации не поддавался. Это было странно, почти невозможно, но одновременно вызывало особый интерес. Адмирал решил ехать. Достаточно уединенно расположенный в центре Москвы отель, легко блокируемый по всему периметру не слишком большими силами космодесанта, явной угрозы не представлял.

Странно только, что он не заинтересовался географической близостью точки randevu и квартиры Ростоккина. Хотя – мог просто не знать, где обретается журналист, пусть и удостоенный крестика «За отличие» и звания корветтен-капитана по совокупности заслуг перед Космофлотом, но особого интереса для службы давно уже не представляющий.

Сашке нужно было всего лишь перейти через тротуар, заказать у сидельца⁴ вполне определенный терем, в данный мо-

⁴ То же, что и портье, но на старорусский лад.

мент свободный, но главное, хорошо просматривающийся в бинокль с балкона Росточкина. Чтобы не возникало вопросов – до утра, стол для «вечернего чая» накрыть на двоих прямо сейчас, ужин «а ля карт» – если потребуется. В ближайшее время должен подъехать господин, который спросит. Его проводить до места. Одного. Если будут сопровождающие – попросить подождать в баре. Все будет оплачено, естественно.

Росточкина он оставил дома. При компьютере и на личной прямой связи. Возникнет необходимость – пригласим.

Игорь, глядя вниз с балкона, со странным чувством вспоминал, как точно так же он стоял здесь не слишком давно, отходя от едва не ставшего смертельным выстрела Веры. Потом заказывал в «Славянской беседе» машину для поездки на свою вологодскую дачу и отъезжал в предрассветный час, напуганный случившимися за полдня тремя необъяснимыми покушениями.

Спасть-то он тогда спасся, но сам себя загнал в то самое коловращение сущностей, о котором откровенно сожалел Александр Иванович. Жизнь, пожалуй, стала намного интересней, насыщенней, но утомительней – тоже. Впрочем, об этом можно спросить у Хэмфри Ван-Вейдена и Кристофера Белью.⁵ Жили-были благополучные обыватели в приятнейшем из всех времен конце девятнадцатого века – и вдруг...

⁵ См. Дж. Лондон, «Морской волк», «Смок Белью».

Сейчас он должен был, оставаясь дома, наблюдать за территорией в бинокль, обеспечивая при этом собственную безопасность. В случае чего – подать сигнал тревоги и действовать по обстановке.

Шульгин с интересом осматривал помещение, в котором ждал важного гостя. Что касается непосредственной функции – ничего особенного. Терем и терем, у них на Валгалле поинтереснее было. Фантазия здешних дизайнеров никак не тянула на сто местных рублей в сутки. Разве что за место берут и за «эксклюзив», так сказать. Опять же – цена отсечения! Чтобы не стесненные в средствах гости не нервничали оттого, что не оказалось вдруг свободных мест.

Это Сашка понимал. Бывало, наскребешь необходимую десятку, приходишь с девушкой в ресторан внутри Бульварного или Садового кольца – а там стометровая очередь у входа. Если только с утра, заблаговременно, метрдотелю еще одну десятку не всучить за отдельный столик. И все равно будешь добираться к нему под испепеляющими взглядами толпы и сидеть в переполненном зале, отнюдь не получив даже по двойной цене того, на что рассчитывал.

Социализм – он такой и был.

Черт его знает, о чем ни начни размышлять, обязательно занесет в идеологические дебри. Добро бы ему нужно было перед кем-то отстаивать преимущества нынешней реальности перед родной, так ведь нет. Само собой в голову при-

ходит, стоит оказаться хотя бы в обыкновенном гастрономическом магазине. В любой точке времени-пространства, кроме собственного. Обязательно подумает: «Ну что б им, дуракам, стоило сначала прилавки заполнить, а потом триллионы в мировую революцию вбухивать?!» И тут же анти-тезис: «Да какой же «трудящийся» согласится всякой ерундой заниматься, если и так жить неплохо? То ли дело – трехсотграммовую пайку жевать и мечтать, как отожремся, когда буржуев экспроприируем?»

Совершенно никчемные вроде бы по обстановке мысли, зато позволяющие очистить мозги для предстоящей схватки интеллектов.

Слава богу, слишком далеко в своих ассоциациях и аллюзиях Шульгин зайти не успел. Половой распахнул дверь, и в обширную горницу упругой походкой вошел адмирал, похожий на успешного, следящего за собой... адвоката, что ли? Как раз такая степень раскованности, независимости от окружающей среды, уверенности в собственной значимости и востребованности.

Совсем ничего от сурового пилота или привыкшего к всеобщей льстивой почтительности большого начальника.

Сашка поднялся, сделал три шага навстречу, протянул руку, представился, теперь уже вживую. Указал на накрытый стол. Для двоих в горнице было, пожалуй, чересчур просторно. Зато, в лучших традициях Средневековья, подчеркивало конфиденциальность встречи. Из жарко горящего камина не

подслушаешь, а до зашторенных окон и дверей достаточно далеко. Современные микрофоны и прочая аппаратура достанут, конечно, и с сотни метров, но главное ведь настроение...

Тем более что специалисты Маркина наверняка приняли все известные на Земле меры предосторожности, а также и многое сверх того.

– У нас принято слегка перекусить перед началом серьезного разговора, – сказал Шульгин, – да и у вас, как я успел догадаться, тоже...

Тут он не ошибся. Стол для «вечернего чая» рассчитан был на людей, собиравшихся «для дружеской беседы, которая не продолжается далеко за полночь⁶». Поэтому на него подавалось не более двадцати разновидностей холодных закусок, сыров, фруктов и столько же сортов спиртных и прохладительных напитков, кроме самовара с заварным чайником и кофе. И ведь съедали же, и выпивали, совершенно не задумываясь, что через недолгое время такое благополучие может закончиться самым неприятным образом.

Половым в горнице во время встречи господ он появляться запретил, поэтому распоряжался и обслуживал гостя сам.

– Чего изволите, ваше превосходительство, коньячок темный или светлый, ром непосредственно с Антильских островов, а то малаги, хереса... Выбор в этом ресторане прямо великолепный. Закусочки же перед вами, на усмотрение...

⁶ См. Молоховец Е., «Подарок молодым хозяйкам». СПб, 1901 г.

Маркин поморщился. Да и правильно, слишком уж нарочито. Вот только сделает замечание или промолчит? Немаловажный штрих.

– Зачем вы дурака валяете? Передо мной. Генералом назвались, а ведете себя...

Простодушный человек. Другой бы еще помолчал, подождал, прикинул, какую *схемку* партнер разыгрывает, одновременно выстраивая свою партию. А этот – в лоб. Хорошо, так – значит так.

– Не только назвался, а им являюсь. Генерал-лейтенант Вооруженных сил Юга России. Ваш коллега, в некотором смысле. Начальник разведки и контрразведки, военной и гражданской Демократической республики Югороссия. Соответствующего документа на руках не имею, но подтвердить это могут лично меня знающие Игорь Викторович Ростокин и Георгий Михайлович Суздаlev, если эти лица, в свою очередь, вам известны.

Хорошо получилось, в самую точку. Если Маркин и не обалдел полностью и окончательно, то около того.

– Поясните, что вы имеете в виду. Насчет «республики» и всего остального. Если бы вы не назвали последние имена, я бы просто встал и ушел сейчас...

– Не пожелав узнать, как я пробил ваш компьютер? Это было бы крайне опрометчиво. Одним словом – слушайте. А наливать и брать закуски можете сами. Не настаиваю.

Достаточно компактно Сашка изложил Маркину, кото-

рый, признаться, понравился ему больше, чем Суздалев (кое-чем он напоминал Воронцова, что не слишком и удивительно), предназначенную ему версию. Не уклоняясь от главной сути, но несколько иначе трактуя привходящие обстоятельства.

Отреагировал на услышанное адмирал тоже по-своему. С хроноквантами он имел дело тогда, когда прочее человечество понятия о них не имело. И мысль о том, что достаточно слегка перенастроить контуры двигателя, чтобы случилось все то, что произошло с Ростокиным и Артуром, и даже слетать вместо Ахернара и Туманности Андромеды в эпоху самодержавной и революционной России, ему абсурдной не показалась. Гораздо больше его заинтересовал смысл обращения к нему господина Шульгина.

Так он и спросил, после того как не торопясь все обдумал. Это в пилотском кресле нужно реагировать, опережая компьютеры, а на его нынешней должности час туда, час сюда – роли не играет.

– Видите ли, Валентин Петрович, вы сейчас единственный в поле моего зрения человек, который в состоянии ответить на вопрос – в реальности ли мы с вами пребываем, в химере или вообще внутри Ловушки?

При этом Шульгин, полуотвернувшись, деликатно пускал дым длинной сигары в камин. Хорошая тяга уносила его мгновенно. Так вот неудобно для завязтого курильщика складывается – монахи не дают всласть подымить по рели-

гиозным соображениям, космолетчик с юности не выносит курение биологически. В начале космической эры курящих даже до отборочных конкурсов не допускали.

– Поясните...

Сашка пояснил. Так, как понимал это сам.

Ему требовалось, чтобы Валентин Петрович, используя действующие космические станции, стационарные базы на отдаленных звездных системах, идущие от Земли и возвращающиеся корабли, распорядился провести анализ абсолютно всей информации, как личной, так и служебной, которая проходила по подконтрольным СБКФ каналам.

– А зачем, прошу прощения? Что вы собираетесь и хотите выяснить?

– Расхождения. Если мы предполагаем, что ваш мир является химерой, причем химерой, устроенной силами, постоянно подвергающими реальность коррекции любой направленности, то охватить синхронным влиянием тысячи объектов, разнесенных на десятки и сотни парсек, они скорее всего не догадаются или просто не сумеют. Это как попытка фальсификации государственных архивов. Можно изъять или переписать десять, сто документов, но что делать с теми копиями, ссылками, ссылками на ссылки и постановлениями, принятыми «во исполнение», которые разошлись по всем нижестоящим структурам?

Надеюсь, ваши вычислительные мощности позволят уловить хотя бы грубые нестыковки? В чем угодно – в бортовых

журналах, полетных заданиях, отчетах о проделанной работе, личных дневниках, историях болезней, товарных накладных, переписке с родственниками...

Подробнее объяснять Шульгину не потребовалось. На то и специалист, чтобы схватывать суть проблемы. И тут же сообразить, кому поручить детальную проработку.

Маркин немедленно извлек из кармана переговорное устройство типа обычного интеркома, но куда более мощное и совершенное. Пресловутый «Р-6», позволявший говорить с владельцем такого же аппарата в любой точке Земли, гарантированно исключая перехват и блокировку связи.

Несколько минут что-то излагал на незнакомом Шульгину языке. Любой европейский Сашка мог угадать на слух, даже его не зная, а это был или специально придуманный, вроде эсперанто, только на другой основе, или экзотический, ирокезский, к примеру. Зато командные нотки и здесь никуда не делись.

Закончил, спрятал аппарат, извинился, как воспитанный человек.

– Мои сотрудники сейчас же приступят. Результатов, конечно, в ближайшие дни ждать не приходится, но идея сама по себе перспективная. Даже не только в сфере вашей задачи, вообще. Для себя мы в любом случае можем извлечь кое-что полезное. Благодарю. А вот теперь, если не возражаете, можем и поужинать, и поговорить в частном порядке. Наш общий друг Ростокин, кстати, далеко?

– Не очень. Если хотите – приглашу.

– Пригласите. Пока он не подошел, проясните, пожалуйста, раз уж мы решили стать союзниками, в каких отношениях вы с ним находитесь, что вообще произошло с момента нашей с ним последней встречи? Он ведь мне не безразличен, чисто эмоционально. Самые невероятные приключения я пережил именно в его обществе...

– Мне кажется, союзниками стать мы не «решили», нас к этому подталкивает непреодолимая сила обстоятельств. Касательно Игоря дела обстоят примерно следующим образом...

Шульгин обрисовал общую картину с момента встречи Ростокина с Новиковым, при этом о факте «наводки» со стороны Суздалева умолчал. Точно так же не стал фиксировать внимания на подробностях операции «Никомед». Зачем зря человека пугать нашими варварскими разборками?

Внимание он сосредоточил на всякого рода парадоксах действующих реальностей, в том числе и на встрече с космонавтами XXIII века, что очень заинтересовало Маркина.

– Двадцать третий век, говорите, и фотонная тяга? Трудно вообразить.

– Не совсем фотонная, я ведь не специалист, просто прилежный читатель научно-популярной литературы своего времени. Там скорее использовался гиперпространственный переход с использованием разгонных двигателей фотонного типа. Что не хроноквантовый – однозначно.

– Значит, на самом деле иная линия технического развития.

– Не только технического. Их мир – прямая экстраполяция нереализованных тенденций наших шестидесятых годов. Тогда космонавтика начала развиваться невероятными темпами при полной поддержке и энтузиазме народов СССР и США. Остальной мир наблюдал за усилиями лидеров не более чем с благожелательным интересом. За 12 лет две сверхдержавы прошли путь от первого спутника до высадки экспедиций на Луну...

Маркин был поражен.

– За двенадцать лет? С нуля? Невероятно. У нас на подобное ушло больше пятидесяти, пока вдруг не был изобретен хроноквант...

– Зато после лунной эпопеи – как отрезало. Словно из нас выпустили пар. Космос мгновенно стал никому, кроме специалистов, не интересен. Забыли про Луну и Марс, практически по инерции строили орбитальные станции, запускали зонды к внешним планетам, но все это – словно отработывали надоевший цирковой номер. Да вот вам убойный факт – имя первого ступившего на Луну, Нейла Армстронга, еще помнят, а членов второй и следующих экспедиций – почти никто. Да я и сам не помню.

– И как вы это объясняете?

– В духе темы нашего разговора. Кто-то за пределами Земли, вернее – тогдашней земной реальности, решил, что хва-

тит детишкам баловаться. И переключил внимание человечества на простые, всем понятные и доступные темы. Индивидуальное потребление, национализм и шовинизм, борьба за всеобщее разоружение и права человека, компьютерные игры, – в словах Шульгина стали проскакивать нотки Цицерона, обличающего Катилину, – даже в фантастике космическая тема не то чтобы выродилась, а стала считаться дурным тоном. Виднейшие мэтры, каждую строчку которых ждали и с жадностью прочитывали миллионы, в течение года-двух обратились, увы, к темам мелким и депрессивным! Судьба жалкого, ничего из себя не представляющего человечка, размазни и алкоголика, угнетаемого монстром государственной власти, стала важнее, чем подвиги покорителей планетных систем и галактик...

Он перевел дух, освежился несколькими глотками сухого хереса.

– У вас, слава богу, кажется, не так. Вы летаете, пользуетесь уважением у людей и правительств. Далеко достали, на пределе возможностей?

– Нет таких пределов. На полтораста парсек ходили. Дальше начинаются сложности, связанные с принципом неопределенности. Расхождения между временными и пространственными координатами становятся чересчур неприемлемыми... Короче, средства обеспечения навигации отстают от мощности двигателей.

– Понимаю. Как во времена Колумба. Каравелл на круго-

светку уже хватало, а секстана и хронометра не придумали.
– Да, в этом роде...

Вдруг Сашке показалось, что Валентин Петрович непонятным образом нервничает. Другой бы не заметил, а ему человек столь простого (упрощенного?) мира – как открытая книга. Вроде как Штирлицу с мушкетерами Дюма интригу затевать. С кардиналом Ришелье тоже, если с детства про него все знаешь.

А чего бы всемогущему, экстерриториальному адмиралу нервничать? Основные вопросы обсудили, второстепенные – успеем. Какой болевой точки невзначай коснулись?

Шульгин мельком взглянул на часы над камином. Игорю вот как раз сейчас бы и подойти.

Действительно, колыхнулись шторы, открылась дверь, вошел Ростокин, заранее сияя радостью от возможности встречи со старым старшим товарищем. Они даже слегка приобнялись помимо крепкого рукопожатия.

Минут десять говорили в обычном стиле – «а ты, а вы, а помните, а я вот потом...» и так далее.

Шульгин, до поры не вмешиваясь, докурил удивительно медленно горевшую сигару, передвинулся на свое место у стола, произнес подходящий к случаю тост. Выпили. Маркин веселее не стал.

Сашка легонько коснулся ногой щиколотки Игоря. Школу тот прошел подходящую и в Форте Росс, и особенно в

Москве, сразу подобрался, кивнул едва заметно, мол, сигнал принял. Шульгин потянулся мимо него к тарелке с тонко нарезанным холодным языком.

– Да подождите, я подам...

– Ну, спасибо, – а сам в это время коленом подтолкнул колено Игоря под скатертью к нижней стороне столешницы.

– Может быть, Валентин Петрович, все-таки водочки или коньяка, что мы этим вином наливаемся?

– Хотите, пейте, конечно, я по-настоящему не научился, некогда было.

– И выпью, какие наши годы? Талант все равно не пропьешь. Давай, Игорек...

Ростокин не первый уже раз поражался, как здорово у Александра Ивановича получается. С ходу умеет изобразить алкоголика любого типа. Напивающегося долго, трудно, через фазу бессмысленных и безумных откровений впадающего в глухую отключку. Легкого, искристого, читающего стихи и запевающего песни, готового на прекрасные безумства, как старинный гусар типа Дениса Давыдова: «Предки, помню вас и я, испивающих ковшами и сидящих вокруг костра с красно-сизыми носами». Разбалтывающего государственные тайны и соблазняющего неприступных женщин. Тупого хама, после второго стакана настроенного бить морды всем и каждому и получать в ответ, если сюжет требует.

Только по-настоящему, легко и от души расслабившегося Шульгина Игорь никогда не видел. Или не сошлось ни разу,

или он вообще на такое не был способен.

Какие в здешнем космофлоте адмиралы, Сашка до сего момента представления не имел. Царских, от Канина до Колчака, знал, этих – нет. Хитро подмигнув, выцедил сквозь зубы рюмочку светлого «Лерондей», бросил в рот spraysнутую лимонным соком королевскую креветку, откинулся на спинку стула, блаженно улыбаясь, обрезал очередную сигару.

– Хорошо... Хорошо вы здесь, братцы, живете. Как мне надоело в грязных окопах сидеть! Сапоги насквозь, запасных портянок нет, проклятый дождь, офицерская шинель, прошу заметить, легко впитывает в себя полтора ведра воды. Проверено. Дров тоже нет. Артиллерийский порох печку быстро нагревает, так задохнуться можно... Самогон только жи́ды из Сморгони привозят, не каждый день, и дерут, ох как дерут... Снаряды, вы говорите? По три штуки на орудие, и как с ними прикажете фронт держать?

– Что это с ним? – слегка даже испуганно спросил Маркин. Ему с такими делами сталкиваться, пожалуй, не приходилось. – Белая горячка?

– Нет, Валентин Петрович, наверное, опять с прошлым перемкнуло. Сморгонь, окопы, «жи́ды», три снаряда – это, кажется, Первая мировая. Сто сорок лет назад.

А Сашка продолжал веселиться, четко отслеживая окружающую обстановку.

Плеснул себе и Ростокину того же соломенно-желтого коньяка.

– Ладно, с войной понятно. Фронт мы тогда все же удержали. Не то что в сорок первом. А вот каким образом вы с теми пришельцами разобрались? Пятерых, кажется, в плен взяли? Это ж, если по одному и старательно допрашивать, какую уйму информации можно было получить. Вы, сейчас, наверное, и вправду самый информированный человек на Земле и в окрестностях... Может, поделитесь?

Рубикон перейти удалось. Маркин не выдержал. Не в том дело, что человек он был неустойчивый, а в том, что Шульгин нашел к нему подход не с той стороны, откуда у него была защита выстроена.

– Поделюсь. Только не здесь...

Терем, само собой, был давно и надежно блокирован, для того и Ростоккина сюда пригласили, чтобы исключить его из роли наблюдателя или воеводы «засадного полка». С балкона все подходы к терему просматривались и простреливались, и боевики Маркина отсиживались по соседству, контролируя обстановку только дистанционно. Когда же Игорь пересек улицу и взошел на крыльцо, кольцо сжали до порогов и подоконников.

Адмирал решил, что для того чтобы задержать и пригласить для собеседования двух человек, шестерых опытных космодесантников будет достаточно. Да он сам седьмой, в центре событий.

Чем там подал исполнительный сигнал адмирал, неизвестно и не важно. Голосом, жестом, нажатием тайной кноп-

ки...

Ребята вошли – молодые, крепкие, уверенные в себе, без оружия. Зачем оно в пределах ограниченного помещения? Три шага в любую сторону – и попадаешь в ласковые стальные объятия. Даже бить не станут. Разошлись по ключевым точкам, ко всем окнам, к ведущей на второй этаж двери, приняли позу «вольно», сделали безразличные лица.

Судя по всему, им даже неинтересно, что это за операция. – Игорь, – обратился Маркин к Ростокину, – твой товарищ явно не способен больше к серьезному разговору. Сейчас поедем на нашу базу, а там с утра спокойно и планомерно все обсудим. Его проблемы, твои и наши общие.

Журналист немедленно вспомнил свое собственное настроение еще до всего, когда он только вернулся на Землю и попал в тиски между Артуром и Паниным с его компанией. Мелькнула тогда у него мысль обратиться за помощью к Маркину и его могучей организации и сразу пропала. Интуиция знатока психологии и опыт подсказали, что не тот человек Валентин Петрович. Не способен он отвлечься от формул и, как тот же отец Григорий, помочь бескорыстно, исходя из принципа, что справедливость выше права. Мозги забиты инструкциями, корпоративными интересами, и ничего человеческого, в нашем разгильдяйском русском смысле, в нем не осталось.

Что же касается намек на собственные проблемы, он сразу сообразил, что речь может пойти именно о делах, связан-

ных с «Фактором Т» – криминальных, что ни говори.

– А-а зачем? – продолжал Шульгин. – Ни на какую базу лично я ехать не собираюсь. И здесь можно обсудить, и здесь переночевать. Наверху отличные комнаты. Куда это еще тащиться на ночь глядя? Стол полный, не хватит – немедленно принесут. Я еще и ужин заказал, рассчитывая на наши аппетиты, телесные и духовные. Фронтвики, они готовы есть сколько угодно и в любых условиях. Вас бы сейчас в те самые окопы! Вы б у меня холодную перловку руками хватали. Особенно под стакан сырца.⁷ Оставайтесь, право слово, Валентин Петрович. Пацанов ваших тоже накормим-напоим. Сейчас распоряжусь...

– Нет, – встал со своего места Маркин, обращаясь только к Ростокину, – Рассиживаться мне недосуг. Оставлять вас вдвоем тоже не собираюсь. Ты условие нарушил, разгласил посторонним информацию особой степени секретности. Боюсь даже вообразить, как широко она могла разойтись и с какими последствиями. Фокусы с компьютером – отдельная статья. Поэтому мы должны немедленно отправиться на базу и уже там все выяснить. Возражать бессмысленно. Ты ведь меня знаешь? Плохого я тебе не желаю, но *Pakta sunt servanda*.⁸

– Короче, посбдите дружка по статье пятьдесят восемь, пункты семь, восемь, двенадцать, в крайнем случае – че-

⁷ Сырец – неочищенный спирт первой перегонки.

⁸ Договоры должны выполняться (лат.).

рез сто двенадцатую! – по-прежнему нетрезво улыбаясь, но начиная наливаясь показным гневом, вмешался Шульгин в разговор. – Это значит, Игорек, тебе можно впилить любой срок, от десяти лет до высшей меры без права переписки с того света, просто по объективному вменению: «Фактов преступной деятельности подсудимого не установлено, но по своим настроениям и классовому происхождению мог таковым сочувствовать и способствовать, почему и попадает под действие настоящего Закона». Из выступления товарища Вышинского, Генерального прокурора Эсэсэсэр. И «встречает тебя Магадан, столица колымского края», – очень близко к тональности, с должным надрывом пропел Сашка.

– Глупости вы говорите, – с обидой, но не слишком уверенно возразил Маркин.

– Простите великодушно, если не так выразился, – с японским полупоклоном ответил Шульгин, и, пока правая рука прижималась к сердцу, левая выдернула из-под столешницы заблаговременно пристроенный там револьвер, прихваченный из тринадцатого века. Хороший, четырехлинейный, весьма устрашающего вида, в рабочем состоянии даже на этой территории. Он проверил. Патроны, что особенно стильно, снаряжены дымным порохом.

И направил его не в голову – в живот адмирала. Так страшнее.

Ростокин синхронно вскинул свой, тоже из *химеры*, подобие «нагана», место крепления которого вовремя указал

ему Александр Иванович. Маркинские спецназовцы до таких примитивных хитростей додуматься не могли. С космическими далями привыкли дело иметь. Но ведь и маскировка Шульгина была не из этого времени. Люди, лично не пережившие настоящей Гражданской, тридцати лет Большого террора, прослоенного еще одной мировой и пятью локальными войнами, потом «холодной» и десятком очередных локальных, наивны как дети. Впрочем, дети, пусть не воевавшие, но жившие в той атмосфере, получившие заряд дворовой, литературной и кинематографической информации, были поопытней. А эти здоровенные парни душой и мыслями пребывают где-то на уровне сладостного тысяча девятьсот тринадцатого года.

По живым людям они стрелять не умели. Не зря же случайное ранение одного из участников захвата пришельцев на лайнере «Макиавелли» потребовало специального разъяснения в мировой прессе.

А вот Ростокин умел. Во время юго-восточноазиатских заварушек научился, а потом в Москве двадцать четвертого года усовершенствовался. Не говоря о Шульгине.

– Стоим, братцы, – без малейших признаков былой нетрезвости сказал он и для окончательной убедительности снес пулей бра над головой Маркина. Грохот был впечатляющий, но стены терема толсты, удален он от административного корпуса достаточно, везде звучала музыка, так что лиш-

ний звук внимания obsługi не привлёк. Зато должным образом настроил присутствующих.

— Малейшее движение — открываю огонь на поражение, — предупредил он десантников. — Адмирал — первый.

Шульгин вернул ствол на исходную директрису. В район солнечного сплетения Маркина. Игорь, повернувшись к нему спиной, покачивал своим револьвером вверх-вниз и вправо-влево. Это могла быть и зажигалка, теперь уже не важно. Пороховой дым плавал по горнице, разбитый осветительный прибор назидательно висел на проводе.

Такую механику аборигены, если не бывали в дебрях Центральной Африки или в дельте Меконга, могли видеть только в музеях. Но когда на тебя смотрит расширяющееся по закону перспективы дуло, в гнездах барабана видны носики пуль, — и курок медленно поднимается, ожидая встречи с капсюлем гайки отдаются почти у каждого.

— Вы чего-то не поняли, Александр Иванович, — на всякий случай держа руки на отлете, сказал Маркин. — Мы же поговорить собирались...

— Я понимаю всегда, и гораздо больше, чем кажется со стороны. Говорили мы с вами достаточно интересно. В других собеседниках не нуждались. Когда ко мне во время *релаксации* входят люди, которых я не приглашал, я либо сам спускаю их с лестницы, либо поручаю это помощникам. Вы, господин адмирал, нарвались. Ваш прославленный космодесант — дворовая футбольная команда против ЦСКА. Или против

рейнджеров Басманова. Ну-ка, быстро, всем сесть на пол у стен и руки за спину!

И ведь сели, герои пустынных горизонтов. Хоть бы один, спасая адмирала, метнулся через зал, швыряя тяжелые стулья, переворачивая стол, дотягиваясь мощными пальцами до горла. Остальные – следом! Ни времени, ни пуль не хватило, если б настоящая драка завязалась.

Массой бы задавили, тем более что в суматохе и навскидку сразу всех наповал не убьешь. «Мужчины умирают, если нужно, и потому живут в веках они». Эти не из той оперы. И не про них написано.

Слабаки, одним словом. Что Шульгин и высказал со всем возможным презрением, когда увидел, что ситуация снова под контролем. У него ведь тоже нервы не титановые.

– Игорь, мы сейчас с ихним превосходительством прогуляемся. Ты знаешь куда. Эскорту позволено выпивать и закусывать до утра. Присмотри, чтобы никто не дернулся. Примерно час. Мы успеем доехать. Потом оставь их здесь и тоже свободен... А вы, – он, не сводя револьверного ствола с Маркина, обратился к униженным до последнего предела бойцам, – не сильно горюйте. Не в свое дело влезли, не на то учились. Шефу вашему вреда причинено не будет. Утречком домой вернется, как новенький. Тут на самом деле все оплачено. Но если кто до восьми утра шаг за пределы сделает – пеняйте... Валентин Петрович, подтвердите мои жесткие слова.

– Да, – сглотнув горькую слюну, сказал Маркин, – оставайтесь здесь. В восемь тридцать – сбор на базе.

Шульгин мог бы и промолчать, но так уж его достала эта действительность и все, что ее составляло, не сдержался, еще раз унизил уже поверженного противника. Мог бы и наедине, но предпочел при подчиненных.

– Вы, ребята, Шекспира в школе проходили? – Походочкой Юла Бриннера он обошел периметр горницы, внимательно всматриваясь в лица десантников, держа револьвер стволом вверх у правого плеча.

Хорошие лица, умные, только не для такой работы. Им бы в советском кино сниматься или на космической базе планеты Крюгер песни под гитару петь, а тут ведь совсем другие забавы. «На западном фронте без перемен», как минимум.

– «Есть многое на свете, друг Горацио...», перевод не помню чей. Но циничные люди эту истину упростили до неприличности: «На каждую хитрую есть хрен с винтом». Я на вас зла не держу, и вы постарайтесь... Война есть война, ничего личного.

Засунул револьвер за широкий брючный ремень, оставив его на боевом взводе, вернулся к до сих пор не пришедшему в меридиан Маркину. Это тебе не к звездам летать...

– Пойдемте, Валентин Петрович. По пути изображайте радостную заинтересованность в моем обществе, а до места доберемся – поговорим как белые люди. Револьвер я в состоянии извлечь наружу за полсекунды, да и голой рукой умею

голову снести не хуже, чем катаной. Поэтому резких движений, даже случайных, делать не советую.

Глава третья

Никаких хитрых заходов, гонки на наемном автомобиле по Москве, чтобы запутать пациента, он устраивать не стал. И не поехал на Столешников, а ведь хотелось. Там бы дверь верняком открылась, хоть в реальности, хоть в Ловушке. С неизвестными последствиями, как водится, так велика ли беда? Просто сейчас это было не нужно. На крайний случай оставим, как запасной парашют.

Просто перевел адмирала через дорогу, не пользуясь лифтом, предложил подняться по черной лестнице, отпер дверь. В гостиную, где стоял компьютер, не пригласил. И кухни с него хватит, тем более что кухня была огромная, всем нужным оснащенная, окнами выходила во двор.

– Располагайтесь, Валентин Петрович, не ваша база, конечно, но поговорить сможем без помех. Да и выпить по рюмочке, наконец, а то ужасно надоело подкрашенную воду хлебать...

– Вы что, вообще не пили? – спросил Маркин, будто именно этот вопрос занимал его больше всего. Саму ситуацию, которая по любым меркам выглядела весьма неординарно, для него лично – как минимум оскорбительно, он, похоже, решил вынести за скобки. Не возмущался, не угрожал, просто принял как данность. Вроде метеоритного потока по курсу корабля.

– Удивляюсь, как вообще вас держат на такой работе, – дернул плечом Сашка, доставая из холодильника настоящую бутылку «в одну двенадцатую ведра», кисловодский «Нарзан», тарелочку тонко нарезанного балыка. – Могли бы заметить, что ни разу я вам и себе из одной посуды не наливал. Ловкость рук, проще говоря. Спасибо вашим обычаям. Если б одна поллитровка между нами стояла, труднее бы пришлось...

– И что, даже при одной что-нибудь придумали бы? – с интересом спросил адмирал.

– Делать нечего... – улыбнулся Шульгин. – Вы вон брюки застегнуть забыли, в туалет сходявши...

Маркин естественным образом опустил глаза на известное место.

– Вы что? Все в порядке...

– Зато у вас в стакане водка, а у меня снова вода, прошу убедиться...

Так оно и оказалось.

– Не понимаю. Вы вдобавок фокусник?

– Сушие пустяки. Прошу не волноваться. Просто, как апельсин. Дело в том, что грубый человеческий глаз замечает только медленные движения. Не помню точно, сколько долей угловых секунд в секунду хронологическую. А если выйти за эти пределы, вы просто ничего не в состоянии увидеть. На этом принципе основано много интересных приемов. Вот-с... – он указал адмиралу на лежащий напротив

него портсигар.

– И что?

Портсигар на его глазах растворился в воздухе, при этом Шульгин не вынимал рук из карманов брюк.

– Оглянитесь...

Портсигар лежал на краю раковины мойки, далеко за пределами досягаемости.

– В цирке служили? – с притворным равнодушием спросил Маркин. На самом деле он был очередной раз удивлен и поражен. Цирк что, в цирке все специально оборудовано для иллюзий и отвлечения внимания. То же, что он видел сейчас, было непостижимо и, как все, что выходит за пределы личного опыта, неприятно и утомительно.

– Вам бы такой цирк, – погасшим голосом сказал Шульгин, выплеснул из стакана воду, заменил ее настоящим напитком. Хоть на склоне бесконечно растянувшихся суток можно, наконец, без затей хлопнуть свои сто пятьдесят и помолчать, пока *отпустит*.

Далеко за полночь они разговаривали вполне по-свойски. Маркину некуда было спешить, по условиям. Сашка старался все ж таки найти в нем союзника, пусть и столь же химерического, как окружающий его мир. Если не придется исчезнуть отсюда своей или чужой волей, так надо по мере возможности обустроиваться здесь.

Шульгина действительно более всего интересовала коллизия с пришельцами, столь неожиданным образом проявив-

шими себя на захолустной планетке, избрав для «первого контакта» именно Игоря Ростоккина. Не совсем случайно, как выяснилось. Его ментальный фон настолько отличался от такового же у нескольких тысяч колонистов Крюгера, что пройти мимо они просто не могли. Кстати, не будучи «психическими вампирами», Новиков, а потом и Шульгин тоже сочли личностные качества журналиста подходящими, чтобы сделать его членом «Братства». Так же, как успешно он ухитрился спастись сам и спасти Аллу от некроманта Артура и мафии Панина, ему удалось обвести вокруг пальца и ВРАГов.⁹ Притвориться утратившим волю и сдать их с рук на руки Маркину и его команде.

– С самого начала, как только Игорь рассказал мне о том случае, я не перестаю мучиться вопросом – отчего в известных мне реальностях при достаточно близкой картине устройства внутренней жизни так разительно отличается схема отношений с космосом? Мы у себя, как я говорил, просто насильственно от него отсечены, ребята из двадцать третьего за двести с лишним лет межзвездных полетов не обнаружили никаких признаков хоть сколько-нибудь разумной жизни, а вы – причем только вы и Игорь – за несколько лет столкнулись с нею дважды. Это наводит на не слишком оптимистические размышления.

– И какие же?

– Сначала вы мне ответьте, раз уж так сложилось, что не я

⁹ ВРАГ – внеземной разумный гуманоид.

ваш гость, а вы – мой. Чем закончилась разработка девушки по имени Заря и ее соотечественников? Мне это интересно по причине, которую я вам сообщу, но несколько позднее. Чисто по-дружески, в порядке взаимообмена. Тем более, не хочу вас огорчать или, упаси бог, пугать, все происходящее здесь должно вас волновать не в пример сильнее. Я ведь почти наверняка сумею вовремя *эвакуироваться*, чего о вас не скажешь. Разве что на дежурном космоботе. И куда?

Маркин соображал быстро. Возразить ему было нечего в любом смысле. И он признался, что результат захвата пяти-рых якобы инопланетян оказался нулевым. Добиться от них не удалось ничего. Вначале они упорно повторяли то же самое, с чего начали контакт с Ростокиным. О необходимости наладить взаимовыгодный обмен с Землей – психическую энергию в обмен на любые технологии и материальные блага. Никакие иные варианты их не устраивали. И, как сказал Маркин, доводы их звучали убедительно. Настолько, что моментами он впадал в соблазн, почти тот же самый, которому едва не поддался Игорь. Взять все на себя, на свою совесть, и позволить им действительно выдернуть с Земли потребное им количество людей. Те самые два миллиарда, которые решили бы все проблемы. Ну, может, не Китай целиком, а население тех стран и территорий, где технический и культурный прогресс явным образом невозможен и уровень жизни в обозримом будущем останется ниже, чем в Европе шестнадцатого века.

– Очень бы здорово вы поступили, сделав именно так. Я Игорю давно говорил. Спасли бы высокоразвитую расу, а наших деградантов хотя бы регулярной пайкой обеспечили. И земная экономика расцвела бы невиданно... Тем более, не знаю, как у вас, а у нас все равно из той же Африки каждый, кто еще не впал в полную прострацию, любыми способами пытается в цивилизованный мир пробраться. На любых условиях и даже под страхом смерти...

– Я об этом думал, очень много думал, сутками напролет. Хорошее решение, легкое, красивое. Гуманное, не побоюсь этого слова. Но я же не гуманист, я пилот и контрразведчик. На мне не проблемы всеобщего благоденствия, на меня ответственность за защиту Земли от галактической опасности возложена, если называть своими словами. Вот я и решил, что не пойдет. О враге (в прямом смысле, без аббревиатур) мы ничего не знаем, и никто нам ничего сообщать не желает. Энергии, у них, видите ли, не хватает! Наскребли, так сказать, на последний полет до крайнего земного форпоста. Подайте, Христа ради! А чуть не по ним – Игоря сломать попытались, пассажирский лайнер с боем захватить... И на допросах молчат. Да если б правда с голоду помирали – других прислали бы послов. Как во все времена делалось. «Приходите и владейте нами, ибо земля наша велика и обильна, только жрать нечего!»

Шульгин обратил внимание на эмоциональный накал и образность адмиральской речи. Видать, правда мужик все

проблемы через себя пропустил, не жалея нервов.

– И знаешь, Александр Иванович, – перешел Маркин на «ты», отпив наконец из своего стакана и признав собеседника минимум равным себе, – какой образ мне в голову пришел?

– Скажи, интересно. Заодно поясни, что ж ты свои мучительные раздумья на Ассамблею ООН не вынес, на Совет Безопасности хотя бы. Ты же им напрямую подчиняешься? Снял бы камень с души...

– Камень, душа – все это никчемные абстракции. Ты, говоришь, сам генерал. И как, часто у тебя возникало желание собственные решения хоть в парламенте согласовывать, хоть с личным составом вверенных тебе дивизий? Правильно, по глазам вижу, что ты меня понял. А вообразил я вот что – стоит перед нашими границами армия вторжения, по всем параметрам нас превосходящая, только вот горячее у них кончилось. И просят – подкиньте нам бензинчику, по любой цене, хоть в десять раз дороже рыночной. Край как надо. Прямо сейчас и рассчитаемся. Оккупационными марками...

– Молодец, Валентин Петрович! – от всей души воскликнул Сашка. Тут Маркин попал в точку. Правда, только со своей, к этому месту и времени привязанной позиции.

– Но все же, чем там с девушкой и прочими дело завершилось?

– Плохо, – Маркин махнул рукой. – Тут мы недосмотрели. Игоря бы надо было к делу привлечь, а я его, наоборот,

подальше сплавил, чтобы главную часть «тайны» сохранить. Не учли мы, что на самом деле им энергии психической не хватало, самое главное из слов Ростоккина мимо ушей пропустили, за лирику сочли. Сообразить бы и в деревянной клетке под трибунами стадиона держать, а мы их – на отдаленную базу, в надежно защищенные боксы...

– Померли, то есть?

– Так точно. Истаяли, точнее говоря...

– Ох, – вздохнул Шульгин. – Воистину прав был Гейне, «дураков на свете больше, чем людей». И концов никаких не осталось?

– А какие концы? Они же не на звездолете прилетели... Была у нас одна зацепка, что все они были в одежде с эмблемами Антаресской комплексной экспедиции. Там станция большая, пять с лишним сотен человек. Всех допросили, всем голографии предъявляли. Кое-кто припомнил, что вроде видели таких, но не больше. Ни обитаемых планет, ни космозондов, ни каких-либо признаков постороннего воздействия выявить не удалось на весь радиус наших возможностей...

– Да и странно бы было, – сказал Шульгин. – Или они в другой плоскости мироздания пребывают, или...

– Что?

– Та же самая Ловушка. Подкинули вам «вводную», посмотреть, как среагируете.

– И.?

– Откуда мне знать, если гипотеза исследования неизвестна. Может, выдержали экзамен, а может – совсем наоборот. Я ведь тоже не совсем своей волей к вам сюда прибыл, пока не понимаю, что мы с вами дальше делать будем. Пока только предполагаю, что стоит вам с Суздалевым поверх ведомственных барьеров личный контакт наладить, на случай всяких неожиданностей. А какими они окажутся – даже догадываться не могу.

На самом деле Шульгин, конечно, догадывался. Его нынешнее здесь пребывание, сколько бы оно ни продлилось, следует рассматривать в общем контексте игры с Ловушкой. Созданием бессмысленным, точнее – безмысленным. Если бы она обладала тем, что мы считаем разумом, в сочетании с прочими отпущенными ей способностями, давно бы стала самостоятельным игроком. И сделала бы все прочие игры невозможными. Ей вменено в обязанность отслеживать и перехватывать мыслеформы, выходящие за некий допустимый эталонный уровень, этим она и занимается. Для пущей же надежности ей придано свойство не просто блокировать неуютную мыслеформу (это было бы слишком просто, да и бесполезно, имея в виду возможность следующих, более удачных попыток), а нейтрализовать «диверсанта». Убивать в прямом смысле ей прав и возможностей не дано. По каким-то высшим соображениям. Это только в царстве майя или ацтеков игра в мяч, похожая на комбинацию футбола

и гандбола, завершалась ритуальным жертвоприношением проигравшей команды.

Создатели Сети проявили куда больший гуманизм, ограничившись тем, что несоразмеривший свои амбиции и возможности игрок окутывался коконом наиболее отвечающей его глубинным вкусам и желаниям псевдореальности. В которой и исчезал навсегда для внешнего мира, обретая взамен нечто вроде магометанского рая с последующим растворением в нирване. И обогащая тем самым Сеть очередной порцией информации и психической энергии.

Анклава «тринадцатого века» – явное произведение Ловушки. По-своему талантливое. И расставленное не только на Шульгина с Ростокиным (хотя на них в первую очередь). В идеале в нее может *провалиться* вся химера 2056 года целиком. Поскольку возникла она тоже «неправомерно», волевым посылом неустановленной пока личности. Однажды то ли в шутку, то ли всерьез предположил Новиков – не одним ли из них, просочившимся или провалившимся еще ниже, к рубежу XIX и XX веков и оказавшим позитивное воздействие на терзаемого комплексами Николая Второго.

Слава богу, нашлось в этом мире достаточно здравомыслящих людей, не поддавшихся иллюзии, ничего при этом о сущности ловушек не зная. Просто каждый, начиная с игумена Флора и генерала Суздалева, имел собственный богатый внутренний мир, сильную волю, без которой на их постах делать нечего, и мотивацию поступков, давным-давно

приобретшую самодостаточность. Лишние сущности им были просто ни к чему.

– Могу я с вами, Валентин Петрович, поделиться только собственным опытом. Обкатанным в самых неожиданных и невероятных ситуациях. Любой достаточно высокоразвитый и структурированный мир непременно катится к упадку. Лучше всего это видно на примере великих империй за последние пять тысяч лет. Не будем привлекать теории заговоров, сионских мудрецов ли, инопланетян, Сатаны с Вельзевулом... Достаточно обратиться к идее обыкновенной энтропии. Чем система сложнее, тем сильнее стремится вернуться в простейшее состояние. И противостоять этому на ограниченном, подчеркиваю, отрезке времени, совместимом хотя бы со сроком жизни трех-четырех поколений, судьбы которых нам безразличны, можно только созданием «антикризисных штабов». Как сказал бы мой друг Воронцов, мореман и флотоводец, «дивизионов живучести». На вооружении которых системы пожаротушения, откачки воды, чопы и цемент для заделки мелких пробоин, пластыри для закрытия крупных, а главное – постоянная готовность, непрерывные тренировки и хорошо проработанные планы действия во всех мыслимых и тем более немыслимых ситуациях.

Думаю, коллега, я сказал достаточно. *Dixi et animam levavi!*¹⁰ Перевод требуется?

– Спасибо, обойдусь. Если без лишней дипломатии, ты

¹⁰ Сказал – и тем облегчил свою душу (лат.).

предлагаешь мне объединить усилия, а также и службы с Суздалевым, учредить настоящую, пусть до поры и скрытую диктатуру на случай войны с неведомым? Помимо всех демократических процедур и права граждан на владение информацией в полном объеме?

– Совсем недавно ты подтвердил, что боевые приказы с личным составом согласовывать неразумно, а то и преступно...

Крыть Маркину было нечем.

Поэтому перешли к вопросам практическим. Шульгин не верил, что ему позволено будет здесь задержаться, хоть и казался мир вокруг в гораздо большей степени подлинным, чем все предыдущие. Потому старался передать адмиралу как можно больше практической информации и собственного опыта.

А тут и Ростокин вернулся, задержавшись несколько дольше, чем ему Шульгин посоветовал. Оказалось, он, в свою очередь, проводил нескучные душевспасительные беседы с космодесантниками, стараясь избавить их от неприятного осадка от первого знакомства с будущим союзником. Здесь он оказался в своей тарелке и проявил недюжинное остроумие, вспоминая о совместных с Маркиным космических путешествиях, земных приключениях журналиста, и, оставаясь в рамках допустимого, намекнул на еще большие перспективы, которые ждут каждого. Ибо наступает *время ужасных чудес*.

– Одним словом, Валентин Петрович, ваши ребята мною обласканы и успокоены. Пользуясь тем, что благодаря капитанскому чину, которым вы меня облагодетельствовали, я оказался там старшим по званию, в ваше отсутствие разрешил им доесть и допить все, что оставалось на столе, и отпустил по домам раньше указанного времени. На базу все придут вовремя, можете не сомневаться...

Глава четвертая

Оставался самый сложный и даже мучительный вопрос. Что делать дальше? Здесь и сейчас, не дожидаясь рассвета, который непременно заставит решать назревшие проблемы в режиме «нон-стоп», как это утру и свойственно по сравнению с вечером. Над этим и раздумывал Шульгин, выйдя на балкон, когда Игорь, успокоившись и отбросив лишние сейчас эмоции, спал сном праведника в своей постели. Впервые с того неприятного момента, когда был разбужен выстрелом Веры из плазменного разрядника. С тех пор обходился гостиничными номерами, каютой на яхте и прочими временными приютами, что предоставляли скитальцу добрые люди.

Уходящая ночь почти убедила его, что именно здесь он из тенет Ловушки вырвался и оказался в обыкновенном, пусть и не в своем мире. Но своем для Ростокина, который, вырвавшись из сферы притяжения собственного воображения, полностью пришел в себя и пока не обнаружил ни единого отклонения от «жизненной правды». Все знакомые ему люди были теми же, все вещи в квартире располагались на своих местах, в том состоянии, как он их оставил, убегая. Файлы в компьютере не стерлись и не изменили содержания. Чего еще нужно?

Живи и радуйся.

Но главные-то вопросы все равно оставались. У Шуль-

гина. Игорь после селигерских приключений возвратился в свое тело в Москву, где ждали отправившие его в астрал коллеги. А сейчас ждут? Тогда Ростокин появился через пятнадцать минут, приведя с собой Артура и Веру. Сейчас если и проявится, то без них. Так? Или опять прошло очередное удвоение сущностей? Эфирное тело само собой сгустилось *здесь* до физического, чтобы он смог существовать в человеческом мире в виде очередной копии?

Что будет, если мы с ним сейчас закажем билет на самолет или экраноплан до Веллингтона? Примет нас Воронцов на борту «Валгаллы» с распростертыми объятиями или место занято? Допустимо, что не существует там вообще никакой нашей базы. Одни голые скалы и плеск волн о берега фьорда. Это – вероятнее всего. Если данный сектор реальности уже занят *аналогом*, в него просто не войдешь. Единственная логически непротиворечивая защита от парадоксов. А то можно доиграться до того, что двойники будут бродить по реальностям стадами, ротами и батальонами. В предельном случае всю Землю можно исключительно *симулякрами* заселить.

Кто же это допустит?

Значит, нужно Игорю быстренько возвращаться обратно на Столешников, забыв все случившееся, в надежде, что где-то в пути через астрал к нему присоединятся Артур с Верой и связность времен будет восстановлена. А Шульгин ему поможет сформулировать нужную «мантру». Такую, чтоб при-

вела куда следует. С сохранением памяти о лишних, отсутствующих в предыдущем сценарии днях и событиях или без – это уж как получится. Лучше бы, конечно, без. Единственная имеющаяся у них в распоряжении устойчивая реальность не нуждается в очередном потрясении. Более того, если не получится вернуть Ростокина домой в исходном состоянии, исчезнет он сам, Шульгин-Шестаков, как объект и субъект мировой истории. Поскольку одним только повествованием о том, как мы с ним здесь героизмовали, пусть только мне самому тамошнему, наедине, как в прошлый раз, рассказывал, он кардинально изменит все мое последующее поведение...

А Москва внизу и вокруг, насколько охватывал глаз с высоты седьмого этажа, да не нынешнего, а «дореволюционного», по пять метров каждый – была прекрасна. В мире Ростокина вся ее площадь внутри Садового кольца была закрыта для движения наземного транспорта, за исключением извозчиков и такси, на месте массы старых построек, не представляющих исторической ценности, разбиты парки и скверы. Невзирая на поздний (он же ранний) час, людей на улицах и бульварах было достаточно. Здесь, как в «царское» время, увеселения, балы, спектакли и концерты начинались после десяти вечера и длились часов до шести-семи утра. После чего публика свободных профессий отходила ко сну, а на трудовую вахту заступали люди иных родов занятий. Что, кстати, определенным образом тоже способствовало нивели-

ровке социальных противоречий.

Вновь сыпался мелкий снежок, мороз, хоть и слабый, после проведенных на балконе двадцати с лишним минут во-гнал Шульгина в озноб. Пришлось вернуться в теплую комнату.

Терять было нечего, да и не жалко, так ему сейчас казалось. Манил к себе компьютер Ростоккина, с которым он научился обращаться. А последний раз, очутившись в Замке с Удолиным и пообщавшись с машиной, стоявшей в кабинете Антона, он, кроме эзотерических знаний, сумел запомнить и некоторые коды, открывавшие доступ в специальные секторы нужного ему Узла. Он еще на «Призраке» намеревался воспользоваться компьютером яхты, тоже нечеловеческим. Тогда ему не дали.

А сейчас? Если он будет изо всех сил воображать, что хочет просто найти кое-какие материалы во Всеобщем информатории? Совсем простенькие, безобидные, вроде списка самых фешенебельных московских борделей. Интересная, кстати, тема. Как тут у них с этим делом обстоит? Сашка ни разу в жизни не посещал подобных заведений, но надо же на склоне лет расширять кругозор!

Посмотрим, посмотрим, вдруг там и изображения девушек имеются, расценки, список услуг и все такое прочее...

Надежно заблокировав свои истинные намерения тщательно сформулированными игривыми мыслями (даже сам поверил), он, налив себе бокал вина (немаловажная деталь,

свидетельствующая о серьезности настроя), включил компьютер.

Пробежал пальцами по сенсорам, разыскивая нужные разделы справочника, и сразу, не давая опомниться никому, в том числе и себе, со всей доступной скоростью ввел в аппарат отпечатавшийся в памяти двадцатизначный код. Машина вроде бы задумалась, прогоняя команду по всем своим обеспечивающим схемам, будто пытаюсь понять, как следует поступить. Но блокировки ни в ней самой, ни там, куда стремился попасть Шульгин, против данного набора символов не предусматривалось.

Экран монитора, как показалось Сашке, распахнулся парусом и тут же преобразовался в сферу, а сам он повис в ее центре.

Вот теперь, наконец, он опять увидел Узел в том именно виде, как в первый раз. Во всей его невообразимой, галактической сложности. В то же время конструкция была ему понятна, как опытному астроному карта звездного неба, телевизионному мастеру – схема «Рубина» или «Темпа». Он знал, что нужно сделать, чтобы вывести ее из строя. Вообще. Закоротить ее на саму себя и на необозримый срок оставить порядочный кусок Вселенной без всякого контроля. Как в начале времен. Одновременно догадывался, что не только устранил этим «постороннее влияние», но и пустит систему вразнос.

Нигде, наверное, в населенных *разумными* любой степе-

ни гуманоидности мирах не создавалось положения, когда функционировали одновременно пять, а то и более открытых, сопряженных целым веером суперструн реальностей. Это ведь миллионы ежесекундно возникающих парадоксов, напрягающих Ткань и Сеть до последних пределов их устойчивости. Мало того, парадоксы и степень их парирования Системой оказались как бы в режиме «ручного управления».

Будто в фантастических романах «золотой поры», где пилоты космических кораблей рассчитывали маневры на арифмометрах по тут же придумываемым алгоритмам.

Что там Земля и ее история, вообще весь конгломерат бывших и будущих цивилизаций с их муравьиной возней! Тут посыплются, как карточные домики, мировые константы, начнут взрываться сверхновые, разбегаться и сталкиваться галактики!

Несоизмеримо с силами и волей одного человечка? А несколько действий, произведенных руками одного или даже нескольких операторов, через несколько минут приведших к Чернобыльской катастрофе? А палец безвестного штурмана «Энолы Гей» на кнопке, открывшей бомболюк и отпустившей «Толстяка» на встречу с Хиросимой?

Ничем подобным, естественно, Сашка заниматься не собирался. Ему требовалось найти совсем маленький, под микроскопом едва разглядишь, участок схемы, где без всякого паяльника и плоскогубцев, чисто мысленным усилием тре-

бывалось перемякнуть десяток «нейронов и аксонов», имеющих отношение к нужному участку именно этой реальности. Не затрагивая никаких базовых функций «материнской платы», только чуть-чуть подправить *степень связности* интересующих его явлений.

Он сделал все, что собирался, осталось, как говорится, собирать инструменты и отправляться восвояси с чувством исполненного долга. И вот тут его *пробило*! Не электрическим разрядом, не молнией, которой боги привыкли поражать зарвавшихся грешников. Озарением, информационным сгустком. Будто во время детских забав снежком в лоб залепили.

Наверняка это был очередной артефакт, побочный продукт взаимодействия *тонкой* структуры его личности с индукционным полем сети. Обогадивший его *окончательным* знанием. В какой-то мере разочаровывающим, но в гораздо большей мере оптимистическим.

Кто-то подсказал или он сам, *ковырнувшись не там*, вскрыл случайно подвернувшуюся крышку на блоке микросхем, но внезапно Шульгин *увидел* Главную Ловушку изнутри. Как двигатель «ГАЗ-51» в разрезе на стенде автошколы.

Сразу стало понятно, что там и зачем крутится, куда можно воткнуть гвоздь или подсыпать песочку, чтобы перестало. На время или навсегда.

Ловушка, естественно, образование в миллионы раз сложнее, чем мотор старого грузовика. Но не сложнее ретикулярной формации мозга. Но вывести из строя ее даже проще.

Вот оно, значит, как. Ясно выраженное желание, целенаправленный импульс. Типа «Сезам, откройся!». Или – «Закройся!». И все. Расплата тоже была ясна. Держателями, полноценными Игроками ни ему, ни Андрею, вообще никому из землян не стать никогда. Пожелай, и эта перспектива будет обрезана. Но ведь зато и вся тема раз и навсегда снимается с повестки дня. «Кабель» мировых линий земной истории, состоящий из тысяч реализованных, латентных, гипотетических и вообще абстрактных реальностей, протянувшихся из ниоткуда в никуда, заэкранируется намертво. Оплеткой, непроницаемой ни для каких внешних сил, превратившейся в одну из всеобщих сущностей.

Ящики с фигурами заперты на ключ, турнир окончен навсегда. Игроки могут разъезжаться по домам и переквалифицироваться в рыболовов-спортсменов.

Коренные же обитатели *изолята* остаются, что называется, при своих. В той позиции и при тех спортивных разрядах, которыми обладали всего несколько секунд (а может быть – десятки веков) назад.

Игроки обещали оставить землян в покое, но своего обещания не сдержали. По какой причине – неважно. И вот нашелся НЕКТО, удаливший их из зала за неспортивное поведение.

Сашка, будь он сейчас человеком, скорее всего взял бы тайм-аут. Подумать, к чему приведет один вариант, дру-

гой. Вдруг и третий обрисуется. Оставить шанс когда-нибудь стать Богом, отказаться ли? Подискутировать внутри себя по методике Сократа. Но человеком он сейчас не был. Всего лишь – нематериальной эманацией неизвестно чего, тахионов, хроноквантов, тех элементов, из которых состоит мысль Будды, и сам Будда, достигший нирваны.

Вот к какой проблеме выбора привело его столь мелкое, незначительное, прямо скажем – ничтожное вмешательство в структуру Сети. Положить ту самую соломинку, что переломит спину буйволу?

И – проблеск другого сознания. «Андрей, как ты думаешь, мы еще люди?» – задал он другу вопрос в иной, но тоже критической ситуации. Когда тоже или – или.

«Думаю, да, – ответил Новиков. – До тех пор, как...»

Получается, Шульгин и на тех уровнях сделал выбор.

Сфера вокруг него стянулась в точку и растаяла. Экран монитора мерцал, по нему горизонтально скользила крупная рябь и мигала в углу трафаретка с тревожной надписью. Пока эта штука не взорвалась, упаси бог, Шульгин нажал кнопку выхода.

Никакого *голоса* он в этот раз не слышал, никто не пытался ему помешать или вступить в диалог. «Следствие закончено, забудьте!», был такой фильм, кажется.

Все, получается? Отныне и навеки человечество, исходное, и производные от него предоставлены самим себе? Жи-

вите как хотите, плодитесь, размножайтесь, воюйте – никто вас не потревожит и уму-разуму учить не станет. Но при этом у «братьев» остаются те же умения и возможности, которые были им присущи изначально и которые они сумели приобрести в процессе Игры? Так это же великолепно! Более чем прекрасно. По-прежнему можно шлаться между мирами, реализовывая собственные представления о правде и справедливости, более не опасаясь, что кто-то возьмет тебя за шиворот и встряхнет, чтобы не зарывался?

Бога нет и все позволено? Гуляй, рванина, от рубля и выше? Или наоборот – надеяться не на кого, паши, как колонисты острова Линкольн, и никакой капитан Немо не вылезет однажды ночью из колодца, чтобы поделиться коробочкой лекарства, не подбросит сундук с ширпотребом. Никто больше не будет подсовывать дары, обычные и данайские. Исчезнет опасность провалиться в Ловушку, слишком поздно узнав, что правила игры снова поменялись.

Придется привыкать и приспосабливаться. Кое-что вернуть в исходное состояние, кое-какие позиции пересмотреть в корне. Но ведь прочие опасности, сопровождающие человечество со времен изгнания из рая, никуда не денутся? Хи-мера, например, все равно может в любой момент рухнуть от внутренних, имманентных¹¹ противоречий.

¹¹ Имманентный – исходно присущий данному процессу, явлению. Имманентная философия – утверждающая, что бытие является лишь внутренним содержанием сознания.

Шульгин увидел, что бокал хереса так и стоит на столе рядом с пультом. Свою маскирующую роль он сыграл, теперь сгодится по прямому назначению.

Опять Сашка вышел на балкон, оперся на перила, обвел глазами панораму, словно пытаясь сообразить, изменилось ли что-нибудь в окружающем пространстве-времени?

Сколько он там провел, внутри Узла? Ого, почти два часа. Ночное коловращение жизни внизу прекратилось, утреннее пока не началось. Тишина, только снежинки, как раньше, порхают в свете уличных фонарей.

Он прислушался к себе. Как там подсознание, не скажет ли вдруг, что все случившееся – очередная туфта, старательно *заправленная*? Деза, проще сказать. Уловка ловушки, назначенная его разоружить.

Нет, все чисто. Тем самым *особым* знанием, которое и позволяло странствовать в астрале и перемещаться между *линиями*, он ощущал, что мир вокруг действительно чист. Как в Средневековье невозможно уловить обонянием хоть одну-единственную молекулу автомобильного выхлопа, так и здесь не ощущалось больше *ментального эха* чуждых разумов.

Невольно он рассмеялся вслух. Как же повезло Антону! Он пока и сам не догадывается, как именно повезло. В последнюю секунду перепрыгнул с борта тонущего корабля на спасательный плот. Совсем бы чуть-чуть, и догнивать ему в своей бамбуковой тюрьме. А теперь...

Теперь мы найдем ему работенку по способностям. И Дайяне, и здешней Сильвии. В наших руках теперь бывшие вершители судеб человечества, кроме гомеостатов и портсигаров, ничего у них за душой...

Трудно передать волну ликования, накрывшую Сашку. Сравнить это можно, пожалуй, только с чувствами офицера, запечатленного фотокорреспондентом на ступенях Рейхстага в мае сорок пятого, улыбающегося до ушей и палящего в воздух из поднятого над головой «ППС». Все! Дожили, дошли, отвоевались! Что будет завтра – отдельный разговор. Где тот офицер, как его жизнь сложилась, никто не знает. А фотография осталась во всех посвященных Победе альбомах и монографиях, момент высшего человеческого счастья зафиксирован навеки. Как символ или как метафора...

Как накатило, так и прошло. Миг на то и миг, чтоб была реперная точка между прошлым и будущим. Ни на что больше он не годится. Пусть и пел Олег Даль: «Именно он называется жизнь!»

Как Шульгин и предположил, стоя на балконе, Ростокина в его спальне не оказалось. Сбежать физическим образом он не мог, у нас не убежишь, значит, воссоединил нарушенную временную ткань, возвратившись на Столешников. В ближайшее время в смежных мирах произойдет еще не одно подобное событие, доступное, конечно, восприятию лишь немногих посвященных.

Значит, и нам пора.

Он написал два коротких письма Суздалеву и Маркину, в которых извинился за очередное прощание по-английски, выразил надежду на скорую встречу и на то, что уважаемые коллеги найдут общий язык и не отступят от достигнутых договоренностей, ибо волюнтаризм всем обойдется непомерно дорого. Сбросил их в защищенные «почтовые ящики». Пока все с этим миром.

По старой привычке он обошел квартиру, прикидывая, не забыто ли здесь что-нибудь важное для него или для Росткина. Похоже – нет.

По той же привычке тщательно уничтожил все следы собственного здесь пребывания. Бытовую электронику перевел в ждущий режим, охранные системы активизировал по максимуму.

Сел в кресло, должным образом настроился. Ну, поехали!

Глава пятая

Странно было видеть Антона в сублильном обличье по-
жилого литератора. Совсем недавно он был крепким мужчи-
ком в самом соку, ростом под метр девяносто, при этом тре-
нированный и гибкий. А каково ему сейчас? Однако сам он
по этому поводу не особенно грустил. Привычка, наверное.

Шульгин явился к нему из Москвы 2056-го в собствен-
ном теле, сгущенном до полной неотличимости из эфирного.
В таком можно существовать неограниченно долго. То есть,
как объяснял Удолин, оно полностью аналогично настояще-
му, никаким анализом не различишь, и сроки его функцио-
нирования лежат в пределах таковых для белковых структур.
Если не случится чего-нибудь экстраординарного с прочими
сущностями.

– Как ты, обжился? – спросил он бывшего форзейля,
устраиваясь поудобнее в углу дивана и скользя глазами по
книжным полкам, занимающим все свободные стены от по-
ла до потолка. Хорошо Юрию: в эти годы, начиная с двадца-
тых, распродалось такое количество дворянских и интел-
лигентских библиотек по бросовым ценам, что его книжное
собрание, кроме чисто интеллектуальной ценности, в позд-
несоветские годы имело бы и немислимый рублевый экви-
валент.

– Грех жаловаться после трех лет одиночки. Времечко,

как понимаешь, на улице не очень, так я и похуже видал. Маскировка у меня подходящая, как раз чтобы отдохнуть и в себя прийти. Никто меня не знает, никому я не нужен. Денежек мой «хозяин» накопил достаточно, на приличную жизнь в обозримый период хватит. Только я в нем задерживаться не собираюсь. С твоими нынешними способностями не проблема, надеюсь? Имитировать его образ жизни не собираюсь. Амплуа не на мой характер. Сегодня для пробы «Балчуг» посетил. Совсем неплохо. И знакомых ни одного...

– Да, – спохватился Шульгин, – а ты уже сколько здесь? Совсем я в хронологии запутался. После нашего разговора знаешь сколько всего приключилось!

– Я вчера ночью «вселился». В спящего гораздо удобнее устраиваться. Сознание отключено, подкорка своими делами занимается, остается чистая вегетатика. Утречком встал почтеннейший творец и лауреат, как новенький. Глубоко-глубоко я его задвинул, базовую память оставил под рукой, а его оперативная мне не нужна, и моторика тоже, своих хватит.

Тут Антону, конечно, повезло. Идеальный по всем осям и параметрам вариант. Аггрианский резидент, пусть и из «раньшего времени», со всем набором знаний и способностей, за двадцать лет создавший удовлетворяющую всех (а главное – власти) легенду. Не имеющий ни одного близкого знакомого или родственника. С подлинными документами. Способный в случае необходимости «вернуться в строй».

Обратится, к примеру, лично к зампреду, секретарю ЦК Шестакову, тот свяжется с товарищем Ставским, председателем Союза писателей, и найдут бывшему классику достойный пост в верхнем эшелоне соцреалистов.

И ко всему этому имелось все, чем обладал Антон по предыдущей должности форзейлианского шеф-атташе.

Живи и радуйся.

Однако у Шульгина на него были другие планы. Слегка перефразируя, он в уме процитировал эпиграф к «Капитанской дочке».

«Побыл он гвардии немало капитаном. Того достаточно, пусть в армии послужит.

– Изрядно сказано, пускай его потужит».

Теперь, чтобы окончательно социализироваться в этом мире, у Антона только два пути – остаться волком-одиночкой, устраиваться здесь по собственному усмотрению или, подобно Остапу, двинуть однажды ночью через румынскую границу. В поисках лучшей доли. Или все-таки войти в команду Шульгина, на вторую, естественно, роль. В выборе форзейля Сашка не сомневался, когда начал излагать ему нынешнее положение дел. В глобальном смысле.

Антон слушал спокойно и внимательно, моментами усмехаясь собственным мыслям, возникающим по ходу рассказа.

– Таким, значит, образом, – резюмировал он, потянувшись к папиросе. Настоящий Антон не курил, а вот писательский организм настойчиво требовал очередной дозы

стимулятора мозговой деятельности.

– Радоваться, наверное, надо. Мне, тебе и всему вашему «Братству». «Свободен, свободен, наконец-то свободен!». ¹²

– Если забыть о том, что эти слова написаны на могильном памятнике, то в целом верно. Да и «Братство» вряд ли скоро об этом факте узнает. Когда еще встретиться удастся.

– Не собираешься вернуться?

– Не сейчас. Чувство долга, понимаешь ли, не пускает, здесь нужно дело до конца довести.

– Какого? – с любопытством спросил Антон.

– Если бы знал – непременно тебя в известность поставил. Ты-то сам что в виду имел, когда меня агитировал с Лихаревым и Сталиным поработать? Меморандумы составлял...

– К нынешней ситуации это теперь никакого отношения не имеет. Я действовал в иной исторической эпохе...

– Ну вот. А я всерьез увлекся. Вдобавок слишком много людей здесь на меня завязано. Свой жизни и судьбы на кон поставили, чтобы мне помочь. Бросить все и всех, сбежать с поля боя – не в моих правилах.

– Тогда и говорить не о чем. Давай думать, что сейчас может являться нашей целью, какова стратегия и тактика ее достижения, в какой момент долг чести будет считаться исполненным...

Слова Антона свидетельствовали о том, что остальные вопросы мировоззренческого плана снимаются сами собой.

¹² Эпитафия Мартину Лютеру Кингу, борцу за равноправие негров в США.

Остаются только практические.

О них и стали говорить.

Шульгин собирался немедленно возвратиться в Испанию. Слишком долго, уже почти сутки Шестаков там предоставлен самому себе. Больших глупостей он, разумеется, не наделает, характера и навыков руководителя хватит на текущие дела, да и общая политическая линия, которую начал проводить Шульгин, ему известна.

Однако нельзя исключать какого-нибудь срыва психики, именно потому, что слишком долго личность «спецпредставителя» находилась под противоестественным контролем. Кто по-настоящему знает, к каким глубинным последствиям приводит воздействие матрицы на «реципиента»?

Антон, к примеру, не знал. У форзейлей такие методики не употреблялись. Сильвия, как выяснилось, воспользовалась матричным переносом, как нормальная женщина автомобилем. Повернула ключ зажигания, включила скорость – он поехал. А что творится под капотом – не ее забота. Дай-яна могла бы проконсультировать, так где ее найдешь?

– С тобой что будем делать, братец? – спросил Сашка. – Я кое-какие варианты прикинул, но решать тебе. Можешь в Москве остаться, на хозяйстве. За Сталиным присматривать, за Лихаревым, за Заковским невредно. Есть, кроме всего прочего, у меня опасение, что энное количество ежовцев поумнее и с характером, представляя свою близкую судьбу, свободно могут в подполье уйти и что-нибудь вроде «Черной

руки» или «Народной расправы» создать. Кто-то ведь на меня убийц напустил...

– НКВД, думаешь? Не похоже. Не их почерк. Персонажи притом к покушению привлечены странные. Чего бы, действительно, в уличной толпе финку или спицу тебе под лопатку не сунуть? Пока прохожие сообразили бы, отчего солидный дядечка на тротуар прилег, – ищи-свищи исполнителя. Да и «ураганное гниение», которое твой Буданцев наблюдал, – совсем не из нашей оперы явление.

– А набег капитана Трайчука на кордон?

– Это ближе. Если только не аппаратная инерция... Пока этот вариант давай отложим. В случае необходимости «на хозяйстве» можем и Юрия оставить. Подготовки ему хватит, нужную мотивацию обеспечить несложно. Не забывай, он ведь теперь тоже «свободен» и свой интерес поймет быстро.

– Хорошо, – согласился Шульгин. – Я тебя по-прежнему считаю экспертом, спорить не имею оснований. Заодно делаем вывод, что тебе нужно новое тело, раз это возвращаем по принадлежности.

– Совсем не вопрос. Какое надо, такое и выберем. Что ты по сути хочешь предложить?

– Можно со мной в Испанию. Еще одним помощником и советником. Сработаемся, надеюсь...

– Назови последний вариант, тогда и определимся. Рациональным способом или монетку подкинем.

– Отправить тебя в Лондон, практически в прежней долж-

ности и роли. Сильвию найдешь, вместе с нею обеспечишь финансирование моих побочных расходов, а главное – свернешь, к чертовой матери, «политику невмешательства». Вместе с Чемберленом. Тогда и Мюнхена не будет, а наш «рейхстроитель» на обозримую перспективу исчезнет из большой политики... Что сулит интереснейшие геополитические расклады.

– На том и сойдемся. И мне интересно будет, и общему делу польза. Только сразу договоримся – закончим с Испанией, обеспечим благоденствие и безопасность твоих новых друзей, и все! Уходим. В двадцать четвертый или ноль пятьдесят шестой. Пора сворачивать сей химерический фейерверк. За год управимся, и домой. Надоело, Саша, знал бы ты, как все надоело... – В голосе Антона прозвучала такая тоска, что Шульгин подумал: «Картинка моей смерти – не самое страшное. В его шкуре я еще не побыл, настоящего «покаяния» не испытал».

– Год еще прожить надо. Но принципиальных возражений ты от меня не услышишь. Я с самого начала, в условиях Игры, примерно так и планировал. С тобой, глядишь, еще быстрее управимся. И – в Замок. Он, как я догадываюсь, теперь окончательно твой?

Антон молча кивнул, закуривая уже третью папиросу.

– Запасных тел там у тебя не имеется? – будто бы в шутку спросил Шульгин.

– Я же сказал, не проблема. Чего на мелочи отвлекаться?

Давай лучше твои действия в Испании конкретно подработаем. И мои. Методику связи...

– Сейчас. Куда торопишься? Сначала коктейль, потом вишня, потом косточка, – вспомнил он слова еще одного киношного персонажа. Как бы не в исполнении Мastroяни. – Идея появилась. Забирай-ка ты пока себе мою оболочку...

С одной стороны, отдавать чужому человеку напрокат собственное тело Сашке не слишком импонировало. Хуже, чем нижнее белье дать товарищу поносить. А с другой – оно ведь не его, по большому счету. Очередной артефакт, и не более, возникший для удобства существования в вещном мире.

– С удовольствием. Вполне подойдет, тем более что сэра Говарда Грина в Грейт Бриттен забыть еще не успели. Все-го-то тринадцать лет прошло.

– Славненько. Только я тогда усы носил, тебе придется снова отпустить. К телу, заметь, еще и гомеостат прилагается. Сейчас сбегая, принесу, если не украли...

Он не слишком этого опасался, спрятан прибор был надежно, но тень тревоги присутствовала. Слишком уж ценную вещь он оставил на произвол судьбы, для каждого отдельного человека, способного понять, что это такое, дороже всего золота мира. За миллиарды не купишь и не наймешь врача, способного гарантированно вылечить от пустячной болезни, когда придет твой час. Сталин не смог, и Брежнев, император Цинь Ши-хуанди тоже.

Нет, все в порядке. Шульгин поднял люк, вытащил банку, убедился, что гомеостат – вот он. В полном порядке. Застегнул на запястье, убедился – работает. Экранчик показал степень сохранности организма и готовность немедленно привести его к абсолютной норме. Дополнительное подтверждение того, что нынешнее тело – вполне человеческое, машинка не спутает «эфирный макет» с настоящей органикой.

Возвращать его хозяину он отнюдь не собирался, пусть и испытывал по этому поводу некоторый нравственный дискомфорт. Одно оправдание – мы серьезным делом занимаемся, воюем, а лозунга «Все для фронта, все для победы!» никто не отменял. В Испании спасительный браслет ему бы очень пригодился, но при чисто ментальном переходе в тело Шестакова его с собой не прихватишь. Значит, пусть пока остается на руке этого тела, охраняя организм для последующего возвращения. А то мало ли как там себя Антон поведет, не свое ведь.

Не спеша вернулся, подышав по пути свежим воздухом, а то уж больно накурили они в маленькой квартирке, даже в горле першит. Была мысль выйти на Арбат, посмотреть, жив ли, здоров «топтун», невольно поучаствовавший в смене парадигмы мировой истории. Вовремя воздержался, сообразив, что одет для этого времени неподобающим образом.

Поднялся на этаж, продемонстрировал Антону добычу,

убедительно разъяснил, что дается он ему на время и должен быть возвращен по первому требованию. Хотя дипломатической почтой или нарочным, если потребуется.

– Скажи мне заодно, почему вы такой штуки не изобрели? Цивилизация аггров, как мне воображалось, от вашей прилично отстают...

– Кто ж его знает? Китайцы тоже за пять тысяч лет пулемета системы «Максим» не изобрели, хотя порох якобы придумали. Реальной потребности не было. Каждый из нас спокон веку иными способами свою жизнедеятельность поддерживать был приучен. Лично для меня Замок был абсолютным гомеостатом. Так что, начнем?

– Начнем. Значит, сначала, по методике нашего профессора, необходимо растормозить подсознание. Оно, может, и без этого получится, но один остроумец писал: «Когда машинист начинает искать новые пути, поезд сходит с рельсов». Рисковать не будем. Ты хозяин здесь пока, что можешь предложить?

– Наш друг воспитан в прежние времена, гвардейские капитаны вроде него на балах хлестали шампанское, в окопах – водку. Коньяк – посередине. Отчего запасаю он им, как хомяк перед суровой зимой. На целую ленинградскую блокаду хватит или очередной сухой закон.

– Молодец, умеет извлекать уроки. Что же касается самого обмена... Была в моей молодости интересная книжка Мирера «Дом скитальцев». Году в семьдесят пятом, кажется,

издана. Там он очень технологично описал разные способы пересадки личностей из тела в тело. Когда я сам с подобным первый раз столкнулся, сразу подумал – вот же мужик угадал! Великие фантасты с десяти шагов в ростовую мишень мазали. Хуже того: «Он выстрелил в воздух. И не попал». А этот – как сам на аггров работал.

– Может, и работал, – меланхолично заметил Антон. – И не он один. Я тоже пару десятков творцов из рук подкармливал. Чтоб создавали нужные настройки... Так что у Мирера?

– Схема обмена личностями. Вот нас здесь трое. Как будем пересаживаться? Я, допустим, прямо отсюда в Барселону, к Шестакову. Освобождаю тебе тело. А ты умеешь сам в него перескочить?

– Нет, – честно признался Антон. – Самому – не приходилось.

– Значит, что? Нужен посредник. У Мирера для этой цели специальное пустое гнездо в машинке имелось. У нас машинки нет. Мы действуем в сфере чистого разума. Ваши предложения?

Форзейль растерялся. На что Шульгин и рассчитывал. Ему в ближайшее время постоянно придется ставить Антона на то место, которого он здесь и теперь заслуживает. Без всякого зла, без чувства мести. Как опытный офицер, заметив в подчиненном гонор, не соответствующий званию и должности, просто обязан в интересах службы объяснить ему, кто он и что от него требуется. Имеешь способности – выдви-

нем и в Академию направим, но пока ты ротный – нечего воображать, что умнее батальонного. Может, и умнее, но не в этом вопросе.

– Ты о посреднике сказал. Нам четвертый человек нужен? Пересадочная станция?

– Это было бы лучше всего. Но на улицу бежать, очередного чекиста ловить? Попробуем чуть иначе. Я слегка опасуюсь за ваше душевное здоровье, но опыт подсказывает, что аггры – народ крепкий. Выдержите, если еще и я к вам *сяду*, да не один – дублированный...

– Ростокин бы сейчас пригодился.

– Кто спорит? Но его нет. Итак, несколько минут мозгу Юрия придется выдержать присутствие в нем четырех личностей. Потом я перекидываю тебя в себя, глазами писателя наблюдаю, мягко ли прошел процесс, уточняю последние детали, после чего отбываю в Барселону. Нет, не так, – спохватился Шульгин. – Я еще должен, не теряя темпа, переправить тебя в Лондон, к порогу особняка леди Спенсер. Куда ты меня послал, – не скрыл он яда в голосе, – и только потом убываю сам. Принимается?

– Ничего другого предложить все равно не могу.

– И это правильно. Насчет Замка в другой раз поговорим. Раз возражений нет – поехали!

Личность Юрия *подсадку* перенесла легко. Точнее, как раз она-то ничего и не заметила. Заметил сам Шульгин.

Потому что ощутил неприятное *давление* сразу с двух сторон. Трудно передать это словами неприспособленного языка, как перевести на эскимосский впечатления бедуина от самума в Сахаре. Немножко похоже на ощущения человека, с детства ездившего на «Бентли» и вынужденного сесть в московский послереволюционный трамвай. Или его самого, попавшего в башню «тридцатьчетверки» после просторной «Леопарда». Тесно, плечами не двинуть, в бока со всех сторон железки упираются, куда ни сунься, везде поджимает, и запахи! В танке – солярки и сгоревшего пороха, здесь – чужих мыслей. Некомфортно. Кто без привычки – может и затошнить. Но он справился.

Всего-то секунд десять перетерпеть, сконструировать формулу. Работать *изнутри* ему еще не приходилось, и он не учел связанных с этим трудностей. Маг он до сих пор был никакой, стрельба в цель из огнестрельного оружия удавалась ему гораздо лучше, чем манипулирование нематериальными сущностями.

Однако получилось. Опять же, как в трамвае, протолкался локтями к передней площадке, прыгнул на тротуар. На Гоголевском бульваре. Сразу – много воздуха, простор и чувство облегчения.

Напротив сидел он сам, очень похожий, совершал беспорядочные мелкие движения плечами и конечностями. Антон приспособливался к новой оболочке.

– Ну и как? – хрипловато спросил Шульгин. – Голосо-

вые связи Юрия тоже не слишком слушались. Раньше так не случилось при «пересадках». Видимо, исходную личность он, по неопытности, загнал слишком уж глубоко, она уже и безусловными рефлексам не управляла.

– Пойдет. Немножко освоюсь, и можно отправляться дальше.

– Ну и давай. Мне тоже. Эта шкура в плечах жмет и под мышками режет. В Лондоне устроишься, сразу мне в Барселону звони. На телефон Главного советника. – Шульгин продиктовал основной номер и несколько других, по которым можно разыскать его через порученцев.

– Я к тебе своего человека переправлю, дипломата профессионального и личного друга Шестакова. Для связи с советским полпредством. Эти контакты тебе очень пригодятся. А с деньгами как думаешь определиться?

– Единственное, что нас с тобой заботить не должно. Потерпи недельку, и сможешь распоряжаться активами чуть не всей английской банковской системы. Уж этому я за последние сто лет научился. А ты еще о леди Спенсер забыл. У нее с финансами тоже все в порядке.

– О ней я и хотел перемолвиться. Ты с ней в эти, тридцатые годы пересекался?

– Да нет, обходились как-то. До того, как Ирина обратилась к Новикову, а я, в свою очередь, к Воронцову, мы с аграми считали хорошим тоном друг с другом не контактировать. Вообще делать вид, что не подозреваем о взаимном

существовании. Да и словечко «агтры» пришлось ввести в обращение только по настоятельной просьбе Воронцова. У него поразительная страсть к конкретике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.